

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Дуглас Норт:
постижение истории

Препринт М-32/13

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2013

УДК 330.341.2

ББК 65.01

З 29

Заостровцев А.П.

З 29 Дуглас Норт: постижение истории / Андрей Заостровцев: Препринт М-32/13. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 52 с. — (Серия препринтов; М-32/13; Центр исследований модернизации).

Дуглас Норт, как экономист, работает в довольно оригинальном жанре: он представляет и олицетворяет такое направление исследований, как новая институциональная экономическая история. В отличие от большинства экономистов, он не превращает экономику в прикладную математику, ибо видит бессмысленность этого подхода. В особенности в применении его к изучению экономической динамики, хода исторических перемен. В препринте большое внимание уделяется методологии Норта, его взглядам на неоклассический мейнстрим и представлениям о логике (последовательности) работы механизма историко-экономических изменений. Концепции Норта открывают новые пути постижения истории и темы для дискуссий всем представителям социальных наук.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики – Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

История — это в первую очередь изучение того, как вчерашний выбор влияет на сегодняшние решения...

Норт, 2010: 183

Дуглас Норт (р. 1920) — самый известный на сегодняшний день экономист-историк. И объясняется это никак не получением формально высшей награды для ученого (Нобелевской премией по экономике), которой он удостоился в 1993 г. Его главные работы, определившие наметившийся переворот в области социальных наук, вышли после этого события. Во-первых, заслуживает внимания книга «Понимание процесса экономических изменений», изданная на Западе в 2005 г. (North, 2005; рус. пер.: Норт, 2010), и, во-вторых, конечно же, выделяется сразу ставший очень широко известным труд трех авторов под заглавием «Насилие и социальные порядки» (North, Wallis, Weingast, 2009 теперь есть; рус. пер.: Норт и др., 2011). В настоящее время на базе фундаментальных концепций, представленных Нортом и его соавторами, развертываются целые исследовательские программы (Норт и др., 2012; Исследовательский проект, 2012–2013; *In the Shadow of Violence*, 2013). Их все чаще пытаются использовать, уточнять, развивать и тестировать (см.: Kishtainy, 2011; Заостровцев, 2012а; Ореховский, 2012; Шаститко, 2012; Яковлев, 2012; Franke, Quintyn, 2012; Kapás, Czeglédi, 2012).

Бегство от неоклассики

Норт — не типичный, по современным критериям, экономист, большинство из которых являются профессионально подготовленными математиками, взявшимися за исследование экономических и прочих социальных проблем. Об этом свидетельствует творческий путь Норта, о котором мы можем узнать от него самого: нобелевские лауреаты, по традиции, представляют не только нобелевские лекции, но и пишут собственные биографии (North, 1993а). Возможно, сказалось, что в юности он увлекался марксизмом и, когда выбрал профессию экономиста, то оказался в Университете Беркли в Калифорнии. В те времена там еще не властвовала формальная экономика,

известная как неоклассика, которая и до сих пор составляет ядро экономического мейнстрима¹. Одним из университетских преподавателей, оказавших влияние на Норта, был Лео Рогин (марксист), читавший курс экономической истории.

Почему представляется важным подчеркнуть влияние марксизма? Дело в том, что учение К. Маркса динамично. В нем рассматривается исторический ход социально-экономических процессов: каким общество было, каким оно стало, какие процессы, определяющие будущие изменения, разворачиваются в нем в данное время; почему одно общественное устройство превосходит и вытесняет другое. Кроме того, марксистская экономическая теория, в отличие от одержимой концепцией статического равновесия неоклассики, — это теория неравновесия, придающая немалое значение институтам². Последнее сближает его с новой институциональной экономикой (НИЭ), одним из основателей которой с полным на то правом считается Норт. Поэтому можно согласиться со сказанным в предисловии к русскому изданию «Насилия и социальных порядков», что его «более широкий политэкономический взгляд на многие вопросы — тоже в известной степени наследие Маркса» (Расков, 2011: 12)³.

После Беркли Норт попадает в Национальное бюро экономических исследований, где он получил возможность познакомиться с наиболее выдаю-

---

¹ «Основная часть исследований “мэйнстрима” все еще соответствует парадигме, традиционно именуемой “неоклассической”, т. е. включающей в себя три предпосылки “твердого ядра”: индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта...» (Либман, 2008: 106).

² «Маркс явно признает и ту роль, которую играют институты в предоставлении людям возможности приобретать экономическую информацию и передавать ее на рынке, и значение институтов для знания, которым располагают экономические субъекты...» (Уэрто де Сото, 2008, 203). Эти содержащие позитивную оценку слова одного из лидеров современной австрийской экономической школы — принципиального антагониста марксистского учения – говорят о многом.

³ При этом, несмотря на диаметрально противоположность в видении перспектив капитализма, некоторые марксистские положения не противоречат подходам австрийской экономической школы, на что указывают и сами ее сторонники: «Парадоксальным образом, в отдельных, очень любопытных моментах, ее (марксистской теории. — А.З.) позиции иногда совпадают с анализом рыночных процессов австрийскими экономистами вообще и Мизесом и Хайеком в частности» (Уэрто де Сото, 2008, 202). Принимая во внимание это обстоятельство и учитывая полученный Нортом в молодости интеллектуальный «заряд марксизма», можно лучше понять его постоянное обращение к Хайеку в последней персонально написанной книге «Понимание процесса экономических изменений» (Норт, 2010). Подробнее о схожести методологии австрийской школы и институционализма см.: Ковалев, 2011.

щимися экономистами США 1950-х гг. (в частности, с Саймоном Кузнецом). Пребывание его там было кратким, но тем не менее плодотворным. Оно привело к появлению первой книги «Экономический рост Соединенных Штатов с 1790 по 1860 г.» (North, 1961). С тех пор предметом исследований ее автора стала экономическая история.

В 1950–1960-е годы в США экономический империализм переживал период «бури и натиска». Это неизбежно означало и распространение главного прикладного инструмента экономических исследований — эконометрики на все захватываемые экономикой области социальных наук. Процесс математизации начинает распространяться и на историю. Рождалось то, что вскоре получило название клиометрика.

Немало в этом направлении поработал и Норт. В работе, посвященной его вкладу в НИЭ, видные представители этой экономической школы Клод Менар и Мэри Ширли отмечают, что «в конце 1950-х — начале 1960-х Норт стал лидером в первых попытках применить экономическую теорию и количественные методы к истории и в этом процессе стал одним из основателей новой области — клиометрики...» (Menard, Shirley, 2011: 11). Характерно, что в 1993 г. Норт получил Нобелевскую премию совместно с экономистом, чье имя до сих пор прочно ассоциируется со словом «клиометрика», — Робертом Фогелем. Причем в официальном пресс-релизе Шведской академии наук их научный вклад персонально не выделялся и им обоим премия была присуждена «за обновление исследований в экономической истории путем применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений» (Press-Release, 1993).

Норт вполне мог и до сегодняшнего дня оставаться «клиометриком». Однако, как можно судить по автобиографии, его увлечение математическими методами в исторических исследованиях не было продолжительным. Обратившись к истории Европы, он, по его же собственным словам, «быстро пришел к убеждению, что инструменты неоклассической экономической теории непригодны для задачи объяснения тех фундаментальных социальных изменений, которые характеризовали европейские экономики начиная со средних веков» (North, 1993a).

Становление Норты в том качестве, в котором его сейчас знает весь круг специалистов в социальных науках, заняло продолжительное время. Осознание непригодности неоклассики для экономической истории еще не означало автоматического появления новых инструментов анализа. Первым шагом в изменении отношения Норты к неоклассике Менар и Ширли считают одну из самых цитируемых его статей «Источники изменения производительности в океанском судоходстве. 1600–1850» (North, 1968), в которой он «сбросил технологию с трона» (Menard, Shirley, 2011). Небезынтересен тот

факт, что статья была опубликована в таком оплоте неоклассической мысли, как издание знаменитого Чикагского университета «*Journal of Political Economy*».

Что же пришло на место технологии, которой в традиционных неоклассических теориях повышения производительности и экономического роста отводится немалая роль? Норт обратил внимание на то, что на длительном историческом отрезке прогресс в самом судостроении был незначителен, а на производительности положительно сказывалось главным образом укрепление гарантий прав собственности вследствие уничтожения пиратства. Выигрыш заключался и в том, что суда избавлялись от тяжелого вооружения и могли взять на борт больше полезного груза⁴. Можно сказать, что тут на первый план выдвигались такие ключевые понятия НИЭ как права собственности и трансакционные издержки⁵. Последние же несовместимы с неоклассическим видением мира и придают важную роль институтам⁶.

В то же время переход к разработке и развернутому применению инструментария новой институциональной экономики к экономической истории шел постепенно. Последовавшие две совместные работы (North, Davis, 1971; North, Thomas, 1973), с одной стороны, были новаторскими в том плане, что применяли институциональный анализ к экономической истории и уделяли основное внимание институциональным изменениям, но, с другой стороны, над авторами еще довлела парадигма неоклассической экономики. В этом признается и сам Норт в «Автобиографии» (North, 1993a); на это же указывают Менар и Ширли. В работе 1970 г. присутствует утверждение, что инновации происходят, когда ожидаемые выигрыши превышают ожидаемые издержки; в книге 1973 г. аналогичное утверждение высказывается в отношении институциональных изменений (Menard, Shirley, 2011)

---

⁴ Обращение Норты к теме морских перевозок было не случайным. В годы Второй мировой войны он начал работать на судах, перевозящих грузы в Тихом океане, и, получив соответствующую подготовку, дорос до штурмана (North, 1993a).

⁵ Нетрудно увидеть влияние на Норты другого нобелевского лауреата по экономике (1991), юриста по образованию, Рональда Коуза (р. 1910), работы которого внесли сильное смятение в беспроblemное существование конструкций неоклассиков. Экономисты соглашались с тем, что их в рабочем состоянии поддерживает гипотеза об отсутствии открытых Коузом трансакционных издержек.

⁶ В нобелевской лекции Норт подчеркнул: «Неоклассический результат в виде эффективных рынков достигается, только когда проведение транзакций не требует затрат. Лишь при условии беззатратного заключения сделок акторы достигают решения, которое максимизирует агрегированный доход независимо от институциональных устройств. Когда заключение сделок требует затрат, тогда институты имеют значение» (North, 1993b). С тех пор запущенное Нортом выражение «институты имеют значение» стало своего рода девизом НИЭ.

Такая логика в конечном счете неизбежно вела к догме об эффективности институциональных изменений⁷, что, естественно, не могло никак объяснить природу долговременной отсталости многих стран. А Норта интересовал именно вопрос о причинах устойчивости глобальных разрывов в темпах развития и уровнях благосостояния. Для этого ему необходимо было отказаться от мысли о ходе истории как прогрессе институтов — от менее эффективных — к более эффективным — и попытаться объяснить, почему неэффективные институты зачастую являются долгожителями.

За поиском ответа пришлось обратиться к таким социальным явлениям, которым в 70-е гг. XX в. экономисты, как правило, не уделяли должного внимания. Впервые большое значение придается идеологии в ее роли как катализатора, так и тормоза институциональных изменений. Новые соображения воплотились в монографии «Структура и изменения в экономической истории» (North, 1981).

Термин «структура» нуждается в разъяснении. Его дает сам автор: «Под “структурой” я имею в виду те характеристики общества, которые, как мы полагаем, являются базисными детерминантами его функционирования. В них я включаю политические и экономические институты, технологию, демографию и идеологию общества» (Ibid.: 3).

В этой книге задачей экономической истории было названо объяснение структуры и функционирования экономики во времени. Выражение же «во времени» означало, что необходимо объяснить их *изменения* с течением времени.

Книга ознаменовала и еще один шаг Норта в направлении разрыва с неоклассикой. С одной стороны, признавалось ее достоинство как инструмента анализа функционирования экономики в данный момент времени или, при помощи сравнительной статистики, контрастов в ее функционировании в различные моменты времени. С другой стороны, утверждалось, что «она не объясняет и не может объяснить динамику изменений» (Ibid.: 57).

В аргументации о неприменимости стандартного экономического анализа к изучению экономической истории особый упор делается на идеологию: «Постоянные экономические изменения происходили не только по причине изменения относительных цен, подчеркиваемых в неоклассических моделях, но также по причине эволюционирующих идеологических взглядов, которые приводили индивидов и группы к противоположным воззрениям на справедливость их положения и к действиям, вытекавшим из этих воззрений» (Ibid.: 58).

---

⁷ Применение постулата о рациональности к институциональным изменениям с очевидностью означает прогрессистский взгляд на историю, который разделяли и нередко до сих пор разделяют многие мыслители самых различных убеждений.

Интересен подход к введению идеологии как важного фактора, определяющего ход экономической истории. Начинается он с указания на противоречия в неоклассическом видении мира. Если, согласно последнему, человек является максимизатором собственного благополучия, то характерная для него же гоббсианская модель государства как создателя правил, ограничивающих индивидуальное поведение, не будет работать: человек как эгоистичный максимизатор станет нарушать правила всякий раз, когда найдет это выгодным. Издержки же тотального контроля за соблюдением правил окажутся столь велики, что правила станут неработоспособными.

Что ограничивает оппортунистическое поведение человека? Идеология! Она помогает оправдывать существующее положение дел, снижая тем самым затраты на принуждение⁸. Она же несет ответственность и за коллективные действия, которые были бы невозможны без нее в силу описанного в неоклассической экономике эффекта безбилетника. При наличии успеха в борьбе с эффектом безбилетника она может и разрушать существующий порядок⁹. Присущие ему правила утрачивают свою легитимность и на их месте выстраиваются новые, нашедшие предварительно свое идеологическое обоснование. Таким образом, идеология способна служить источником перемен. В итоге можно заключить, что у Норта не только институты, но и идеология «имеют значение».

В книге много места уделено роли государства. Оно рассматривается как «единственный правитель» (как один актер). От такого представления, как мы увидим, автор позднее откажется, что, в частности, и произведет переворот в видении роли государства в экономической истории. Пока же он определяет его довольно традиционно: как «организацию со сравнительными преимуществами в насилии, распространяющуюся на географическую территорию, чьи границы определяются властью облагать налогами ее жителей» (Ibid.: 21).

В вопросе о государстве сознательно игнорируется дискуссия между сторонниками контрактного и хищнического его происхождения по причине невозможности доказать правоту той или другой стороны¹⁰. На первый

---

⁸ «Затраты на поддержание существующего порядка находятся в обратном отношении к осознаваемой легитимности существующей системы» (North, 1981: 53).

⁹ «Идеология должна преодолеть проблему безбилетника, если ей необходимо активизировать группы ради изменения существующего экономического порядка» (North, 1981: 65).

¹⁰ «Вопрос о том, возникает ли государство как хищническая группа, атакующая и эксплуатирующая крестьянскую деревню (хищническое происхождение государства), или развивается из общих нужд в организации для крестьянской деревни (контрактное происхождение государства), не может быть разрешен» (Ibid.: 64). Отсюда

же план выдвигается противоречие между стремлением государства, с одной стороны, установить права собственности, максимизирующие ренту для правителей, а с другой — внедрить законодательство и правоприменение, способствующие снижению трансакционных издержек и повышению экономической эффективности, а следовательно, росту налоговых поступлений (Ibid.: 24, 64). Эта фундаментальная дихотомия государства — первопричина неудач государств в обеспечении устойчивого экономического роста (Ibid.: 25). В своей следующей фундаментальной работе (North, 1990; рус. пер.: Норт, 1997) Норт, подчеркивал, что именно в книге 1981 г. было дано объяснение существованию неэффективных институтов, где вина за это возлагалась на руководителей государств¹¹.

Что же движет миром? В поиске ответа на этот вечный вопрос тогда же была сделана попытка «открыть» основное противоречие, ответственное за его изменения. «Постоянное противоречие между выигрышами от специализации и обусловленными ею издержками — не только главный источник структуры и изменений в экономической истории, но оно находится в центре современных проблем политической и экономической деятельности» (North, 1981: 209). Дело в том, что выгоды от специализации могут сопровождаться одновременным ростом трансакционных издержек. Для того чтобы справиться с ним, нужны новые, более эффективные институты. В исторической части рассматриваемой работы приводятся многочисленные примеры приспособления институтов к меняющейся ситуации (того, что позднее будет названо «адаптивной эффективностью»).

Возвращаясь к отношениям с неоклассикой, нельзя не заметить, что в монографии наряду с ее критикой постоянно прослеживается стремление найти место для нее в объяснении истории. Этому, например, служат частые указания на изменения относительных цен как на источник институциональных изменений. Теория государства описывается в духе обновленного

очевидно, что для Норта не представляется важным столкновение позиций Олсона с его разработанной несколько позднее концепцией «государства-бандита» (Olson, 1993, рус. пер.: Олсон, 2010; McGuire, Olson, 1996, рус. пер.: Макгуайр, Олсон, 2010) и Джеймса Бьюкенена, который (в соавторстве с Гордоном Таллоком) подвел экономическое обоснование под обновленную теорию общественного договора как конституционного договора (Buchanan, Tullock, 1962, рус. пер.: Бьюкенен, Таллок, 1997) и развивал ее далее в целом ряде своих работ (Buchanan, 1975, рус. пер.: Бьюкенен, 1997; Brennan, Buchanan, 1985, рус. пер.: Бреннан, Бьюкенен, 2005).

¹¹ «Руководители государств создавали систему прав собственности в своих интересах, а трансакционные издержки вели к доминированию обычно неэффективных прав собственности. Таким образом можно было объяснить существование на протяжении всей истории, включая наше время, таких прав собственности, которые не продуцируют экономический рост» (Норт, 1997: 22–23).

мейнстрима, сочетающего неоклассические принципы с категориями новой институциональной экономики (принципал-агент, оппортунистическое поведение, трансакционные издержки и проч.). Не случайно посвященная ей глава названа совершенно недвусмысленно: «Неоклассическая теория государства» (Ibid.: 20). И даже роль идеологии в объяснении исторического процесса представлена в конечном счете как дополнение неоклассического подхода, помогающее разрешить сформулированную в его рамках проблему безбилетника в коллективных действиях.

В итоге при рассмотрении возможности появления в перспективе теории экономической истории значительная роль в таковой отводилась неоклассике. «Такая теория может произойти только от соединения теорий демографии, запаса знаний и институтов с неоклассической теорией производства» (Ibid.: 68).

Следующая монография Норта (North, 1990) появляется, как видим, девять лет спустя. В предисловии автор так говорит о главной отличительной особенности очередного труда:

«В настоящей работе излагаются общие принципы теории институтов и институциональных изменений. Хотя эта работа опирается на мои предшествующие исследования институтов, составлявшие основной предмет моей научной деятельности за последние двадцать лет, здесь я иду гораздо дальше, чем в своих прежних трудах, в изучении природы политических и экономических институтов и процесса их изменений. Главный ключ к анализу, представленному в настоящей работе, — углубленное изучение того, что же представляют собой институты, чем они отличаются от организаций и как влияют на трансакционные и трансформационные (производственные) издержки» (Норт, 1997: 12).

Автор сформулировал задачу книги следующим образом: «...до сих пор не разработаны аналитические принципы, которые позволили бы включить институциональный анализ в теорию экономики и экономическую историю. Задача этой книги состоит в том, чтобы выработать такие основополагающие принципы» (Там же: 18).

Нами не ставится задача последовательного рассмотрения содержания книги Норта. Многие (но не все) разработанные в ней базовые понятия и концепции нашли свое подтверждение и развитие через 15 лет, в работе 2005 г. (Норт, 2010). Именно последняя венчает его достижения в области создания как понятийного аппарата, так и методологии и логической схемы исторической динамики, выстроенных на основе институционального анализа. К ним мы обратимся в дальнейшем. Пока же сосредоточим внимание на отношениях Норта с экономическим мейнстримом. И сразу заметим, что

он продолжил свой дрейф от его использования как инструмента анализа экономических изменений.

Для начала в книге указывается на внутренний конфликт, который испытывают социальные науки из-за того, что разрабатываемые теории не соответствуют реальным процессам в окружающей жизни. И при этом подчеркивается, что «это несоответствие наиболее явно проявляется в экономической науке, где особенно велик контраст между логическими выводами неоклассической теории и функционированием экономических систем...» (Норт, 1997: 28).

Норт признает, что неоклассическая теория — это огромный вклад в знания и что ее применение, по его мнению, приносит хорошие результаты при анализе рынков в развитых странах. Тем не менее она не служит надежным ориентиром для объяснения более примитивных, неэффективных, но, несмотря ни на что, долгоживущих (иногда в течение тысячелетий) форм человеческого взаимодействия. Со стороны экономистов, занимающихся вопросами экономического роста, не получили удовлетворительного объяснения как существование разных экономических систем, так и различия в их функционировании¹². Согласно Норту, «этому есть простое объяснение: применяемой теории не под силу данная задача» (Там же: 28).

Неоклассическая доктрина исходит из предполагающих рациональность мира моделей (из инструментальной рациональности). Если акторы почему-либо ошибаются, то обратная связь через действие рыночной конкуренции отсеет упорствующих в своих заблуждениях и, в конце концов, оставшиеся игроки исправят свои ошибки. Институтам здесь отводится исключительно подсобная роль: побудить индивидов к приобретению дополнительной информации, помогающей принять правильные решения. Как замечает Норт, отсюда следует не только то, что «институты создаются для достижения эффективных результатов, но и то, что в экономическом анализе допустимо игнорировать институты, поскольку они не играют самостоятельной роли в определении экономического поведения» (Там же: 33).

В противоположность неоклассике, Норт отталкивается от следующих двух положений. Во-первых, он исходит не только из того, что индивиды действуют в условиях неполной информации (со временем это стало общим местом и в мейнстримовских построениях), но, главное, допускает, что субъективно выработанные ими модели поведения часто ошибочны. При этом информации, полученной в результате обратных связей, недостаточно

---

¹² Надо сказать, что не решен вопрос и о самом экономическом росте. В вышедшей в 2004 г. книге с многоговорящим названием «Загадка экономического роста» известный экономист Элханан Хелпман вынужден был признать, что «тайна экономического роста остается нераскрытой более двухсот лет» (Хелпман, 2011: 13).

для их корректировки. Во-вторых, снова подчеркивается, что институты далеко не всегда создаются ради эффективности. Они «создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» (Там же).

Поведение же человека, согласно Норту, «гораздо сложнее, чем описывают экономисты в своих моделях, опирающихся на функцию индивидуальной полезности» (Там же: 37). Альтруизм и самоограничение радикально влияют на результаты выбора. Восприятие внешнего мира у людей происходит на основе уже имеющихся у них ментальных конструкций, которые обеспечивают его понимание и тем самым во многом определяют решения индивида.

Очевидно, что такая модель человеческого поведения отличается от модели «экономического человека» (*homo economicus*) или, в более развернутой формулировке, — REMM (*resourceful, evaluating, maximizing man*)¹³. Она обладает характеристиками модели социологического человека (*homo sociologicus*) — SRSМ (*socialized, role-playing, sanctioned man*)¹⁴, но, очевидно, не совпадает с ней¹⁵. Модель человека, по Норту, скорее всего, ближе к социоэкономическому человеку Петера Вейзе (*homo socioeconomicus*)¹⁶. Именно такой человек у Норта является субъектом исторического процесса¹⁷. Неоклассическая же трактовка поведения человека является сугубо частным случаем, справедливым для особых обстоятельств. Она не подходит для понимания исторической динамики человеческого общества и его институтов¹⁸.

Норт не видел никакой панацеи от недостатков неоклассики и в новых применяемых ею инструментах анализа, прежде всего в теории игр. Дело в том, что она не меняет неоклассической парадигмы.

---

¹³ Изобретающий, оценивающий, максимизирующий человек.

¹⁴ Социализированный, исполняющий роль и могущий быть подвергнут санкциям человек.

¹⁵ О двух разных моделях человека в экономике и социологии см.: Бруннер, 1993: 51–72.

¹⁶ «В борьбе между его собственными предпочтениями и действиями, которые предписаны нормами, развивается и формируется его личность» (Вейзе, 1993: 129).

¹⁷ «Ход всей мировой истории дает огромное количество свидетельств, что поведение человека значительно сложнее простого рационального некооперативного поведения» (Норт, 1997: 43).

¹⁸ «Принятые экономистами поведенческие постулаты полезны для решения некоторых проблем. Но они не способны решить многие вопросы, стоящие перед представителями социальных наук, и являются главным препятствием к пониманию существования, образования и развития институтов» (Норт, 1997: 43).

«Теория игр освещает проблемы сотрудничества и изучает конкретные стратегии, которые изменяют вознаграждения игроков. Но существует глубокая пропасть между сравнительно ясными, точными и простыми решениями теории игр и тем сложным и неточным способом, которым на ощупь двигаются индивиды, чтобы установить взаимодействие с другими людьми. Более того, игровые теоретические модели, как и неоклассические модели, исходят из предположения об игроках, стремящихся максимизировать личную выгоду. Но, как показывают некоторые работы, относящиеся к области экспериментальной экономической теории, человеческое поведение явно гораздо сложнее, чем это следует из такого простого допущения. Хотя теория игр показывает, какие выгоды могут получить индивиды, сотрудничая или избегая сотрудничества в различных ситуациях, она не раскрывает вопрос об издержках транзакций и о том, как влияют на эти издержки различные институциональные структуры» (Норт, 1997: 32).

В конце книги (там же: 167–169) возобновляется «выяснение отношений» с неоклассикой. И заодно с марксизмом и клиометрикой, которая была изначально инновационным продуктом его научного творчества. За клиометрикой признается возможность описания экономической истории как континуума и последовательности институциональных изменений (в эволюционном виде). Правда, при этом оговаривается, что такое под силу только опытным специалистам. В то же время, поскольку экономическая история сама по себе не есть целостная картина мира, а некое неструктурированное множество, то клиометрика не в состоянии выйти на обобщения или анализ за рамками конкретного исторического сюжета.

В чем же заключается ценность клиометрики? Норт определяет ее весьма неоднозначно. «Вклад клиометрического подхода, пишет он, — заключается в применении к истории систематизированного корпуса теоретических идей — неоклассической теории, — а также в применении высоко развитых количественных методов для разработки и проверки исторических моделей» (Там же: 167). И тут же добавляет:

«Однако мы уже заплатили высокую цену за некритическое восприятие неоклассической теории. Хотя главным вкладом неоклассики в экономическую историю явилось систематизированное применение ценовой теории, в центре внимания неоклассической теории стоит проблема размещения ресурсов в каждый данный момент времени. Это невероятно сковывает историков, для которых главный вопрос — объяснить течение изменений во времени. Более того, аллокацию ресурсов неоклассика рассматривает как процесс, который вроде бы происходит без “трения”, т. е. как будто институты не существуют или не имеют значения. Между тем эти два последних обстоятельства — “трение” и значение институтов — показывают, чем на

самом деле должна заниматься экономическая история, а именно: объяснением различных моделей роста, стагнации и упадка обществ во временном разрезе и изучением того, как “трение” — следствие взаимоотношений между людьми — порождает широко расходящиеся линии развития» (Там же: 167–168).

На этом Норт не останавливается. Он признает, что применение неоклассической теории к истории дало специалистам возможность анализировать ограничения, определяющие выбор человека. Однако сами эти ограничения трактовались очень узко. Под ними имелись в виду не человеческие взаимоотношения, а только доступные технологии и доход. Причем технология рассматривалась как экзогенный фактор и в результате не получалось построить ее в теорию.

Однако в истории экономической мысли было одно исключение: Маркс. Он попытался соединить изменения технологические с институциональными. Его учение о связи производительных сил с производственными отношениями Норт расценивает как пионерную попытку соединения пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации. Утопизм же теории Маркса заключался в том, что для достижения предусмотренных ею результатов «потребовалось бы внести фундаментальные изменения в человеческое поведение» (Там же: 169).

Полемика Норта с неоклассикой нашла свое дальнейшее развитие в монографии 2005 г. (North, 2005). Здесь он совершенно недвусмысленно формулирует, что природа ее бессилия в объяснении проблем развития связана с тем, что она и не ставит перед собой такой задачи¹⁹. По этой причине она игнорирует именно то, что принципиально важно для ее выполнения. Норт связал это игнорирование с тремя ее принципиальными недостатками. Заключаются они в том, что она беспрепятственна (*frictionless*)²⁰, статична и не зависит от человеческой интенциональности.

Беспрепятственность означает, если говорить коротко, нулевые трансакционные издержки²¹. В пренебрежении ими и, как следствие, института-

---

¹⁹ «Неоклассическая теория дает нам понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще» (Норт, 2010: 102).

²⁰ В русском переводе предыдущей работы Норта (Норт, 1997) английское слово *friction* переводится как «трение», соответственно, *frictionless* — это «отсутствие трения».

²¹ Во избежание каких-либо расхождений в дальнейшем в понимании этой ключевой категории НИЭ обратимся к определению самого автора: «Трансакционные издержки — это издержки, связанные с обменом; при углублении специализации и

ми Норт уже и ранее неоднократно «обвинял» неоклассику. При «беспрепятственности» отсутствуют какие-либо «внешние» вмешательства в работу рынков, а заодно и ресурсы, необходимые для осуществления изменений. В сущности, это означает, что институты, как отмечалось в предыдущей книге автора, излишни. Статичной неоклассической картина мира является по той причине, что в ней не задействован фактор времени. Учет же интенциональности требует понимания того, как люди осуществляют выбор.

В этом упоре на интенциональность человеческих действий заключается важный момент общности взглядов Норты с праксиологией австрийской экономической школы²². С интенциональностью субъектов она, в частности, связывала невозможность построения экономики как подобия естественной науки. «Науки о человеческой деятельности невозможно реформировать по образцу физики и других естественных наук» (Мизес, 2005: 33). В то же время основатели неоклассической школы (Стенли Джевонс, Леон Вальрас, Френсис Эджуорт, Вильфредо Парето, Ирвин Фишер) и не скрывали, что произведенная ими революция в экономической теории осуществлена в результате стремления выстроить ее по образцу физики XIX в. (Майровский, 2012). Норвежский экономист Эрик Райнерт пишет о том, что для стандартной экономической науки типична «метафора равновесия, основанная на физической теории 1880-х годов» (Райнерт, 2011: 56). Норт же ссылается на создателя современной неоклассической теории экономического роста Роберта Солоу, который в 1985 г. объявил физику той идеальной наукой, до уровня которой дотягиваются лишь самые лучшие образчики экономической теории (Норт, 2010: 36).

В то же время Норт не признает не только физическую, но и биологическую метафору для экономики. Он явно не разделяет идей такого традиционно противопоставляемого неоклассике направления современной экономической мысли, как эволюционная экономика. Дело в том, что «на механизмы отбора в эволюционной теории, в отличие от экономической эволюции, не влияют представления о финальных результатах. ... Действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» (Там же: 103). Во введении же к этой работе он сформулировал это еще более категорично: «В противоположность дарвиновской эволюционной теории, ключом к эволюци-

---

разделения труда растет и число обменов, каждый из которых поглощает какие-то ресурсы». (Норт, 2010: 135–136).

²² Подробный анализ схожести в ряде принципиальных моментов учений институциональной и австрийской школ проведен в статье А.В. Ковалева (Ковалев, 2011).

онным изменениям человечества является интенциональность игроков» (Там же: 9)²³.

Таким образом, Норт не разделяет модного ныне направления экономической мысли, основоположники которого, Ричард Нельсон и Сидней Уинтер, взяли за образец биологию²⁴. Нельсон и Уинтер полагают, что «слепая эволюция» и преднамеренные процессы переплетаются, различить их нелегко и в разрабатываемой ими теории их разграничение не приносит пользы и лишь сбивает с толку (Нельсон, Уинтер, 2002: 31). У Норта же интенциональность акторов всегда выходит на первый план. «Эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков...» (Норт, 2010: 9)²⁵.

Из непредсказуемой интенциональности человеческого выбора и связанной с ней неопределенностью будущего вытекает ключевое отличие НИЭ Норта от неоклассики — экономика рассматривается им как неэргодическая система. Определить ее легче всего, начав с противоположности —

---

²³ В «Справочнике по новой институциональной экономике» Норт писал: «В противоположность стандартной теории, черпающей свое вдохновение из физики, моделирование процесса изменений должно черпать свое вдохновение из эволюционной биологии, но, по контрасту с теорией Дарвина, в которой селекционные механизмы не содержат убеждения относительно конечных последствий, человеческая эволюция направляется представлениями игроков, в которой выборы — решения — делаются в свете этих представлений с намерением получить вытекающие из них результаты...» (North, 2008: 21).

²⁴ В своей фундаментальной работе «Эволюционная теория экономических изменений» они пишут, что «прежде всего этот термин (эволюционная теория. — А.З.) указывает на то, что мы заимствовали основополагающие идеи из биологии» (Нельсон, Уинтер, 2002: 29).

²⁵ Такую позицию разделяют и другие незаикленные на экономической ортодоксии авторы. Поведение людей «нельзя рассматривать в отрыве от концепции “собственного желания” и связанной с ним совершенно непредсказуемой склонности изменять решения на ходу» (Хайлбронер, 2008: 408). Бьюкенен и немецкий экономист Виктор Ванберг в совместной статье представляют теорию рынка как созидательного процесса, где будущее, в отличие от неоклассической доктрины, не только не познаваемо в любом самом приблизительном варианте, но и не существует как таковое независимо от сознательного человеческого выбора, который только предстоит сделать. Любопытно, что они указывают на связь такого понимания с физикой, но только современной (в частности, с концепцией «порядка из хаоса» лауреата Нобелевской премии по химии Ильи Пригожина), «предполагающей переход от детерминизма традиционной физики (вероятно, вдохновившей неоклассическую программу исследований в экономической науке) к нетелеологическому, открытому, креативному и недетерминированному по своей природе эволюционному процессу» (Бьюкенен, Ванберг, 2012: 356).

эргодической экономики. В последней «фундаментальная структура является постоянной, неизменной во времени» (Норт, 2010: 32)²⁶. Во время как «мир, в котором мы живем, является неэргодическим — это мир постоянно возникающих новых изменений» (Там же). В результате «осмысление мира, находящегося в процессе становления, ведет к появлению новой теории или, по крайней мере, к изменению той, которой мы располагаем» (Там же).

Восприятие социальной среды как неэргодической действительно приводит к подлинному перевороту в науках об обществе, и прежде всего в экономике. Она теряет какое-либо подобие с естественными науками²⁷. В неэргодическом мире отсутствует то, что в естественных науках определяется как «закон»²⁸. В процессе изменений социума нет какого-либо постоянства, повторяемости явлений. «...Мы создавали и создаем общества, являющиеся уникальными по сравнению со всем, что имело место в прошлом» (Там же: 36). В результате «эргодическая гипотеза является а-исторической» (Там же).

Построение экономической истории на парадигме, в центр которой ставится гипотеза о неэргодическом мире, в сущности, не оставляет никакого места в ней неоклассическим подходам. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что вместе с признанием неэргодичности, а значит, и отсутствия «законов развития», нужно признать и неуместность применения для постижения общественных изменений математического моделирования²⁹. Ведь «ма-

---

²⁶ Одним из характерных признаков современного мейнстрима является постулат об эргодичности: представление об универсальных законах (с поправкой на случайные возмущения), описывающих прошлое, настоящее и будущее (Либман, 2008: 109).

²⁷ «Естественные науки используют редукцию для того, чтобы прийти к фундаментальным принципам, которые (вероятно) делают эти науки эргодическими. Социальные науки не имеют таких фундаментальных принципов, за исключением, возможно, бихевиоральной предпосылки, и даже эта последняя вряд ли является удовлетворительной...» (Норт, 2010: 36).

²⁸ «...В социальных науках, по-видимому, не существует фундаментальных “степенных законов”, сопоставимых с аналогичными, имеющимися в естественных науках» (Норт, 2010: 31–2). Роберт Хайлбронер в этой связи даже не считал экономику наукой: «Если бы экономика была наукой, то нам отводилась бы роль простых роботов, способных выбрать реакцию на увеличение цен не в большей степени, чем частица железа — на появление неподалеку магнита» (Хайлбронер, 2008: 408).

²⁹ Австрийская школа с самого начала указывала на неприменимость математики как метода естественных наук к изучению человеческого поведения. Достаточно указать на аргументацию, приведенную в главной работе Мизеса (Мизес, 2005: 55–56, 112, 329–335, 354–355, 657–658, 665–669). Этой же позиции придерживаются не только нынешние сторонники австрийской школы — последователи Мизеса, но и

тематические теоремы (являющиеся главным результатом работы теоретиков мэйнстрима), по определению, формулируются в категориях универсальных законов» (Либман, 2008: 109).

В результате математическое моделирование социальных изменений, основанное на абстрактных неоклассических постулатах, равносильно по своей эффективности использованию рельсоукладчика в качестве заменителя газонокосилки. Неадекватность реальности статичной картине мира из неоклассического учения обнаруживает себя всякий раз, когда опирающийся на него экономист выступает в роли «советника князей»: дает рекомендации для практической политики.

«Неклассическая экономическая теория статична и вследствие этого резко сужает кругозор тех разработчиков политики, которые черпают из нее свое вдохновение. Итогом слишком часто становятся политические предписания, которые приводят к результатам, не соответствующим намерениям, поскольку политика, основанная на статичной теории, в динамичном окружении наверняка приведет к непредвиденным (и неприятным) последствиям» (Норт, 2010: 180).

В этой же работе он подводит итог эволюции своих воззрений: неоклассическая теория непригодна для изменяющегося мира; необходима новая экономическая парадигма взамен неоклассической.

«Экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (притом, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» (Там же: 7).

Дальнейшее творчество Норта (совместно с Вайнгатом, Уоллисом и Уэббом) направлено на осуществление этой «фундаментальной перестройки». В книге «Насилие и социальные порядки» последняя глава так и называется: «Новая исследовательская повестка дня для общественных наук» (Норт и др., 2011: 416). В докладе «В тени насилия» исследователи говорят

представители таких альтернативных неоклассике течений, как экономический реализм (Лоусон, 2012: 434–436) и «Другой канон» (Drechsler, 2004; Reinert, 2004; Reinert, Daastøl, 2004; Райнерт, 2011: 35–36, 56–60, 64–65, 74–77, 152–153, 232–233, 244–245, 280).

о том, что «наша цель — разработать и применить альтернативную концептуальную парадигму для понимания динамического взаимодействия политических, экономических и социальных сил в развивающихся странах» (Норт и др., 2012: 4). Новая «исследовательская повестка дня» предполагает, что «существующий массив знаний в общественных науках может быть трансформирован с помощью новых концептуальных рамок, меняющих само наше мышление традиционных проблем экономики, политической науки, социологии, антропологии и истории» (Там же: 448)³⁰.

Разработка меняющих привычное мышление и синтезирующих общественные науки «новых концептуальных рамок» не могла возникнуть на пустом месте. Она требовала предварительного создания методологической схемы, раскрывающей с опорой на исследуемые НИЭ категории источники и механизм социальных перемен.

Логика общественной динамики

В работе «Понимание процесса экономических изменений» Норт с самого начала и далее, на протяжении всей книги, подчеркивает принципиальную невозможность создания теории динамических изменений (Норт, 2010: 7, 107, 180–181). Причина — ограниченная способность к предвидению. Проистекает она из двух принципиальных фактов: во-первых, из известной уже нам неэргодичности мира, во-вторых, из того, что «сегодня мы не можем знать, не научимся ли мы завтра чему-нибудь такому, что будет определять наши завтрашние поступки...» (Там же: 107).

В то же время Норт рассматривает эту книгу как очень важную ступень развития НИЭ. «В моих предыдущих исследованиях, — пишет он, — не учитывался характер социетальных изменений и то, каким образом люди понимают его и как это понимание влияет на их действия» (Там же: 8). Можно сказать, что им предложена если не теория, то некая общая логика процесса общественной динамики.

Автор выделяет три ее первоисточника: во-первых, количество и качество населения; во-вторых, объем знаний, причем в первую очередь знаний,

---

³⁰ Попутно заметим, что, создавая новую парадигму, Норт, Уоллис и Вайнгаст не строили никаких математических моделей: «Мы не предлагаем формальной модели, которая делала бы возможной эксплицитную эмпирическую проверку или детерминистские предсказания социальных изменений» (Норт и др., 2011: 34). И это, скорее всего, не случайно, а вытекает из нортковского неприятия парадигмы эргодичности. «Мы не предпринимали никаких попыток статистического анализа, так как никаких прямых способов измерения наших основных понятий не существует» (Там же: 435).

касающихся власти над природой; в-третьих, институциональный каркас, в котором заложена система стимулов человеческой деятельности. «Всеобъемлющая теория экономических изменений, таким образом, включала бы в себя теории демографического развития, накопления знания и институциональных изменений» (Там же: 13)³¹. Вопросы демографии оставляются Нортом в стороне, о накоплении знания говорится, но сравнительно немного. Легко догадаться, что основное внимание уделяется институциональным факторам.

В то же время последние не являются первопричиной экономических изменений. На первый план выходят представления и убеждения людей, которые формируют институты. Тут можно поставить такой вопрос: а что, в свою очередь, формирует представления и убеждения? Норт возвращает нас к фундаментальным изменениям демографического и ресурсного характера (Там же: 195). Подробно эта связка в рассматриваемой книге не раскрывается³². В то же время в ней постоянно подчеркивается лежащая в основе всего неопределенность: «Убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют лишь смысл в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта» (Там же, 29).

Неопределенности отведено столь большое место, что на ней следует остановиться подробнее. По Норту, человеческое сообщество всеми путями

---

³¹ Особо выделим то обстоятельство, что здесь, в отличие от работы 1981 г., в этот перечень не включена неоклассическая теория производства (см. настоящ. изд., с. 10).

³² В предыдущей работе автор нередко отталкивался от изменений относительных цен. В этом плане характерно его утверждение о том, что «глубокие изменения в соотношении цен приводят к изменению норм и идеологий и чем ниже информационные издержки, тем быстрее протекают эти изменения» (Норт, 1997: 175–176). В результате тут сама собой напрашивается такая последовательность: демографические и ресурсные сдвиги сильно меняют относительные цены, а через них убеждения (ценности) людей. Однако Норт уже тогда не готов был принять такое объяснение как универсальное. Дело в том, что ряд важнейших исторических изменений никак не связан с движением относительных цен. Так, например, он замечает, что «отмену рабства в XIX веке невозможно объяснить, не принимая во внимание изменение суждений о легитимности положения, при котором один человек владеет другим» (Там же: 43). Тем более что есть исследования, говорящие о сравнительных преимуществах принудительного труда в южных штатах США в XIX в. в связи с особенностями сельскохозяйственных культур, которые там выращивали (Эггертссон, 2001: 229). В результате приходится признать как самостоятельное значение идей, так и их важную роль: «Идеи, организованные идеологии и даже религиозный фанатизм играют очень важную роль в формировании обществ и экономик» (Норт, 1997: 65).

стремится к ее снижению. Даже свою книгу он называет «исследованием неустанных попыток людей получить большую власть над собственной жизнью...» (Там же: 14).

Неопределенность, вслед за известным экономистом начала прошлого века Фрэнком Найтом (1885–1972), Норт понимает как невозможность оценить вероятность наступления того или иного события³³. Он выделяет два источника неопределенности. Первый связан с тем, что им было названо «физическим ландшафтом». По его мнению, «общая характеристика человеческой истории состоит в систематическом снижении уровня воспринимаемой неопределенности, связанной с физической средой...» (Там же: 31). Результатом чего должно быть «сокращение тех источников неопределенности, которые должны объясняться при помощи убеждений, включенных в колдовство, магию, религию» (Там же). С другой стороны, уменьшение неопределенности, связанной с физической средой, стало возможным благодаря значительному усложнению социальной среды. И тут как раз из-за данного усложнения неопределенность возрастает, а поэтому понимание этой среды «очень ограничено и включает в себя множество иррациональных объяснений» (Там же). Важнейшей причиной социальной неопределенности является все та же неэргодичность общественной жизни.

Норт выделяет пять уровней неопределенности по мере ее возрастания. Ее же смягчение внутри каждого из них обуславливается наличием специфичных для них ответных реакций социума. Ниже эти уровни вместе с ответными реакциями представлены для удобства восприятия в табличной форме (см таблицу на с. 22).

Понятно, что рассматривая первый и второй уровни, нужно как-то разграничить новую информацию и новые знания. Граница между ними часто бывает неуловима. И все же во втором случае речь идет об изобретениях и инновациях, которые нельзя свести просто к нахождению новой информации. Здесь, по всей видимости, имеется в виду в первую очередь то, что Джоэль Мокир называл обновлением полезных знаний и рассматривал в качестве решающего ингредиента экономического роста (Мокир, 2012: 15).

---

³³ Если возможность такой оценки существует, то экономисты говорят о риске. Различие между риском и неопределенностью можно показать на примере игры в русскую рулетку. Если мы знаем, сколько патронов вставлено в барабан, то легко можно рассчитать вероятность гибели игрока. Это — риск. Если же мы не знаем ничего, то это — неопределенность (возможно, что оружие и вовсе не заряжено).

Таблица. Уровни неопределенности и ответная общественная реакция

<i>Уровень неопределенности</i>	<i>Ответная реакция ради снижения неопределенности</i>
Первый	Увеличение информации в рамках наличного объема знаний
Второй	Увеличение объема знаний в рамках существующего институционального каркаса
Третий	Изменение институционального каркаса в рамках существующей структуры убеждений
Четвертый (<i>прежде не встречавшиеся ситуации</i>)	Изменение структуры убеждений
Пятый (<i>остаточная неопределенность</i>)	Иррациональные убеждения

Следующий и более высокий уровень неопределенности требует для своего уменьшения изменения институционального каркаса. Подробнее с нортковской трактовкой институтов и процесса институциональных изменений познакомимся далее. Пока же вслед за автором констатируем, что процесс этот направлен на увеличение выгод от совместной деятельности и инвестиций в человеческий капитал, усиление стимулов к изобретениям и инновациям и снижение транзакционных издержек (Там же: 34).

Далее, в тех обстоятельствах, когда человеческое сообщество сталкивается с не встречавшимися прежде ситуациями, для преодоления кризиса требуется изменение структуры убеждений. Просто изменений институтов в рамках доминирования прежних убеждений уже недостаточно. При этом успех или неудачу ответов людей на новые ситуации во многом будет определять культурное наследие (Там же: 35).

И наконец, то, что названо «остаточной неопределенностью». Как уже отмечалось, Норт исходит из своего рода «эффекта качелей»: неопределенность физической среды была радикально уменьшена, однако это уменьшение компенсировалось нарастанием неопределенности социальной среды³⁴.

---

³⁴ «Общая характеристика человеческой истории состоит в систематическом снижении уровня восприятия неопределенности, связанной с физической средой и, следовательно, с сокращением тех источников неопределенности, которые должны объясняться при помощи убеждений, включенных в колдовство, магию и религии. Но если неопределенность, связанная с физической средой, уменьшалась, следствием этого становилась намного более сложная социальная среда. И хотя нам удалось

Скорее всего, это связано с тем, что в ходе «покорения» физической среды неизбежно складывались все более сложные социальные институты. Например, хозяйственное освоение дальних расстояний и глобальных пространств на нашей планете требовало перехода от личного к обезличенному обмену, неразрывно связанному с появлением качественно новых и трудных для рационального восприятия его участниками институтов. При этом процесс развития институтов никогда «не останавливается на достигнутом», а продолжается постоянно. В итоге «остаток, который ведет к иррациональным убеждениям, играет в современном мире не менее важную роль, чем прежде» (Там же: 35)³⁵. В частности, в этот остаток попадают и системы религиозных убеждений³⁶.

Возвращаясь к нортговскому описанию экономических изменений в историческом процессе (или, более широко, «эволюции человеческой среды»), стоит обратить внимание на следующую цепочку: представления и убеждения³⁷ → институты → организации → государства (Там же: 223). Дополняя ее вышесказанным о демографических и ресурсных факторах, а также процессом обучения (*learning*), можно построить следующую схему, в которой отражается логика общественной динамики по Норту (рис. 1). Разумеется, она, как и любая схема, страдает неполнотой, ограниченностью и требует развернутых дополнительных комментариев, но тем не менее не лишено основания утверждать, что ее использование вносит некую наглядность и упорядоченность в очень сложное порой переплетение нортговских мыслей.

добиться определенного прогресса в понимании этой социальной среды, наше понимание очень ограничено и включает в себя множество иррациональных объяснений» (Норт, 2010: 31). Российский исследователь Евгений Балацкий в этой связи даже выдвигает гипотезу о том, что Норт исходит из смещения фокуса экономической эволюции: перенесение усилий человечества с развития производственных технологий на формирование эффективных социальных технологий, иначе говоря, институтов (Балацкий, 2011: 157).

³⁵ Иррациональное может быть определено, лишь отталкиваясь от определения ее противоположности — рационального, под которым Норт понимает логически непротиворечивые объяснения, гипотетически могущие быть предметом эмпирической проверки (Норт, 2010: 31).

³⁶ Норт связывал потребность в иррациональном с какими-то врожденными свойствами разума, пока, по всей видимости, не поддающимися научным объяснениям. «Очевидно, что всеобщая “приверженность” людей к “нерациональным” объяснениям, которые находят свое выражение в религии, суевериях, в фундаменталистских идеях, имеет своим источником какие-то врожденные свойства разума, которые и порождают все эти верования» (Норт, 2010: 111).

³⁷ В оригинале только «убеждения» (beliefs) (North, 2005: 155).

Для начала процитируем первоисточник: «Ключом к построению основ для понимания процесса экономических изменений служат представления и убеждения — как представления и убеждения отдельных индивидов, так и общие представления и убеждения, из которых складываются системы представлений и убеждений» (Там же: 124)³⁸. Объясняется это тем, что «мир, который мы создали и пытаемся понять, порожден человеческим разумом и не существует вне этого разума» (Там же).

Столь же значительное место убеждениям Норт отводит и в своей статье из «Справочника по новой институциональной экономике». «Убеждения и тот путь, которым они развиваются, находятся в сердце понимания процесса изменений» (North, 2008: 25). Дело в том, что людям никогда не дана реальность как таковая — они сами конструируют ее в процессе обучения. В этой связи большое внимание уделяется когнитивной теории³⁹. Постараемся далее передать ход рассуждений автора (разумеется, таким, каким он нам представляется).

Обучение, согласно Норту, — это развитие структуры, которая интерпретирует получаемые органами чувств сигналы (North, 1994: 362)⁴⁰. Выделяются два уровня обучения (North, 2008: 26). На первом в ходе осознания физической и социальной среды первоначально появляются классифициру-

---

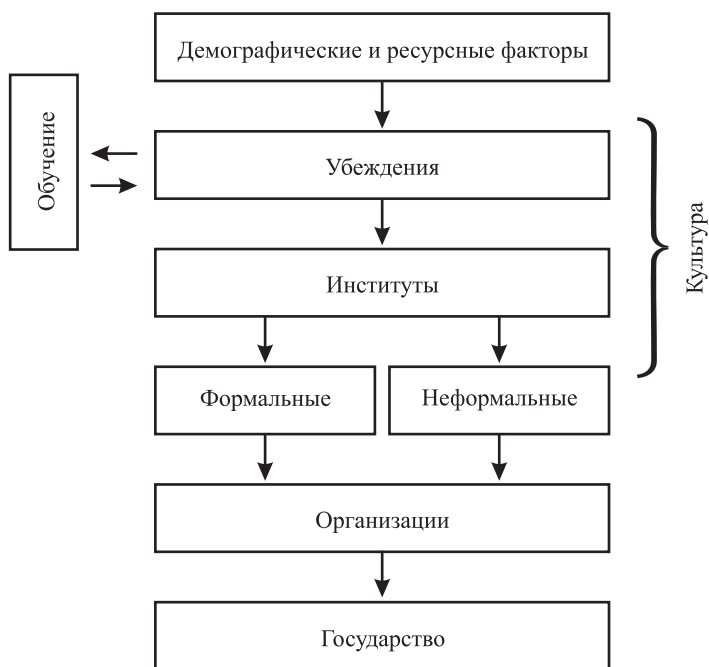
³⁸ В подлиннике эта фраза выглядит так: «The key to building a foundation to understand the process of economic change is beliefs — both those held by individuals and shared beliefs that form systems» (North, 2005: 83). Перевод термина «beliefs» как «представления и убеждения», по всей видимости, имеет целью расширить несколько узкое понимание термина «убеждения», которое за ним закрепилось в русском языке. В то же время такой вольный перевод не должен заставлять читателя искать различие между представлениями и убеждениями в нортовском понимании, поскольку самой проблемы не существует в принципе. В дальнейшем термины «представления» и «убеждения» рассматриваются нами как тождественные. В предшествующей работе автор чаще прибегал к понятию «идеология», давая следующее ее описание: «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких как коммунизм или религии, — в любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир» (Норт, 1997: 41).

³⁹ В книге «Понимание процесса экономических изменений» ей уделена целая глава (Норт, 2010: 42–63).

⁴⁰ Кроме того, под обучением традиционно понимается «процесс проб и ошибок, когда неудача в решении проблемы ведет к апробации нового решения» (Mantzavinos et al., 2003: 4).

ющие мир категории, на основе которых далее развиваются интерпретирующие мир ментальные модели. Они не являют собой нечто застывшее: и категории, и ментальные модели меняются с новым опытом, который, в частности, включает и контакт с другими идеями. На втором уровне категории и концепции принципиально не меняются, но меняются идеи о деталях и применимости наличных знаний. «Значительная часть обучения основана на усвоении и подгонке незначительных событий, которые влияют на нашу жизнь, постепенно изменяя наше поведение. Имплицитное знание возникает неосознанно» (Норт, 2010: 47).

Рис. 1. Логическая цепочка общественных изменений по Норту.

Норт разделяет представление современной нейронауки об организации человеческого мозгом мышления на базе паттернов (этот термин на русский язык приблизительно можно передать как «штампы» или «модели»). Приводятся сведения об эксперименте, где совершенно случайным образом выбрасывались 0 и 1. От участников эксперимента требовалось каждый раз делать предсказания. Впоследствии их расспрашивали, чем они руковод-

ствовались в процессе их выработки. Все участники поведали руководителю эксперимента о своих «паттернах», которые, как очевидно, не могли не быть ложными. Отсюда делается вывод: «Поиск паттернов там, где их нет, сочетается с неустрашимостью попытки людей иметь объяснения, теории, догмы, позволяющие объяснить окружающий мир, даже если у них нет “научного” объяснения» (Там же: 48).

Как видим, Норт постоянно возвращается к обсуждению вопроса о рациональности человеческого поведения, лежащей в основе экономического мейнстрима. Оно было начато еще в его совместной с Артуром Дензау статье (Denzau, North, 1994). Авторы напоминали о том, что в основе рационального выбора лежит допущение о знании индивидами их интересов, на котором они и выстраивают этот выбор. Дензау и Норт соглашались, что данное допущение еще может быть оправдано для случая, когда индивиды выбирают товары в супермаркете. Однако весь разнообразный опыт функционирования экономических и политических систем как в истории, так и в современности свидетельствует против того, что индивиды на самом деле знают собственные интересы и действуют соответственно. «Вместо этого люди действуют частично на основе мифов, догм, идеологий и “полусырых” теорий» (Ibid.: 3).

В работе «Понимание процесса экономических изменений» Норт продолжает развивать эти положения. Он признает, что предпосылка рациональности отлично служила экономистам (и другим социальным ученым) в решении ограниченного перечня проблем в области микротeorии. В то же время «в действительности не критическое принятие допущения рациональности разрушительно для большинства проблем, стоящих перед гуманитарными учеными, и является серьезным препятствием для дальнейшего развития науки» (Норт, 2010: 19). Дело в том, что «допущение рациональности не является ошибочным, но его принятие с самого начала закрывает возможность более глубокого понимания процесса принятия решения в ситуации противостояния неопределенности сложного мира, созданного нами» (Там же: 19–20)⁴¹. По всей видимости, это более глубокое понимание процесса принятия решений опирается на мнение о том, что он основан большей частью на ложных представлениях⁴².

---

⁴¹ Приведем еще одно нортское возражение против провозглашения универсальности принципа рациональности. «Тенденция переносить предпосылку рациональности в чистом виде на более сложные проблемы, включающие в себя неопределенность, столь характерная для экономистов, стала препятствием на пути прогресса в понимании нами социального ландшафта» (Норт, 2010: 43).

⁴² «Люди в течение всей своей истории зачастую принимали решения под влиянием укоренившихся представлений, которые в большинстве случаев оказываются

Эти выпады Норта против рациональности вполне понятны из приведенных выше положений, касающихся его представлений о выработке ментальных моделей (убеждений)⁴³ в процессе обучения. Однако обучение — это не некий экзогенный фактор, формирующий убеждения. На приведенной ранее схеме (рис. 1) не случайно показано и их взаимовлияние, ибо человеческое мышление — не *tabula rasa*, на которой обучение вольно писать какие угодно иероглифы. «Субъективное мировосприятие индивидов... претерпевает постоянные изменения под влиянием опыта, проходящего через фильтр существующих (культурно детерминированных) ментальных конструкций» (Норт, 1997: 175). Процесс обучения есть «постепенный процесс, при котором роль фильтра играет культура общества, определяющая полезность знаний» (Норт, 2010: 108).

И здесь мы подходим к одному из наиболее спорных вопросов современной экономики развития: о роли культуры в прогрессе и отсталости стран и народов. Не вдаваясь в вездущую по этому вопросу полемику⁴⁴, сосредоточимся на его видении Нортом. Начнем с определений. «Совокупные знания общества, воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов, состоят из верований, мифов, обычаев, которые состав-

---

ложными» (Норт, 2010: 144). Интересно, что сегодня подход, согласно которому люди действуют на основе предубеждений, распространяется, к примеру, на поведение избирателя. Так, Брайан Каплан, представляющий виргинскую школу политической экономики, в своих работах борется с мифом о рациональном избирателе. О своей основной идее он писал следующее: «Избиратели не просто невежественны, они, можно сказать, иррациональны - и голосуют соответствующим образом» (Каплан, 2012: 15). «Здравый смысл говорит нам, что на суждения людей оказывают сильное влияние эмоции и идеология» (Там же).

⁴³ Для большей точности и адекватности передачи идей автора следует заметить, что «ментальные модели» и «убеждения» — очень близкие, но не тождественные понятия. «Ментальные модели лучше всего могут быть поняты как конечные предсказания, которые делает разум, или его ожидания относительно окружающей среды до получения ответной реакции от нее» (Mantzavinos et al., 2003: 4). «Когда окружающая среда подтверждает одну и ту же ментальную модель многократно, то она некоторым образом обретает стабильность. Мы называем эту относительно кристаллизованную ментальную модель “убеждением”; и мы называем взаимосвязь убеждений (которые могут быть как согласующимися, так и нет) некой “системой убеждений”» (Ibid.).

⁴⁴ Дискуссия на тему, в какой степени культура значима для развития, была проведена с привлечением известных специалистов (Л. Харрисона, Дж. Робинсона, П. Беттке, Г. Кларка) в 2006 г. в Институте Катона (How Much Does Culture Matter?, 2006). С основными текстами вышеперечисленных авторов можно познакомиться и в русском переводе на сайте inliberty.ru (Беттке, 2009; Кларк, 2009; Робинсон, 2009; Харрисон, 2009).

ляют культуру общества» (Там же: 9). Есть и более короткое определение: «...культура общества — это кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов» (Там же: 124). Иначе говоря, культура — это убеждения плюс институты⁴⁵. Именно такое ее понимание легло в основу схемы, изображенной на рис. 1. Итак, культура, являющая собой синтез убеждений и институтов, «фильтрующий» извлекаемые из процесса обучения знания. И в этом своем качестве она может играть как прогрессивную, так и реакционную роль.

В целях иллюстрации Норт обращает внимание на то обстоятельство, что структура представлений, воплощенная в христианской догматике, несмотря на некоторые вопиющие примеры противоположного свойства, была способна развиваться в благоприятном для экономического роста направлении. Христианские убеждения о том, что природа должна служить человеку и что мир можно и нужно контролировать в экономических целях, послужили необходимой предпосылкой для технического прогресса (Там же: 196–197).

В итоге, согласно Норту, «культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» (Там же: 20). Обществу бывает необходимо время от времени давать ответы на новые вызовы, и именно «культурное наследие во многих случаях будет определять их успех или неудачу» (Там же: 35). В качестве подтверждения дается ссылка на широко известную работу Авнера Грейфа, в которой показано, как культурное наследие геноуэзцев сыграло решающую роль в их успехе в деле перехода к безличностному обмену по сравнению с их соперниками — магрибскими общинами еврейских купцов (Greif, 2006). Окончательный вывод в отношении культуры и развития звучит у Норта так: «...колоссальные различия в характеристиках эффективности различных обществ ясно говорят о том, что культурный компонент воздвигнутого людьми здания также является ключевым фактором, определяющим эффективность известных из истории экономик и государств» (Норт, 2010: 10)⁴⁶.

---

⁴⁵ Такое видение позволяет сузить и хотя бы как-то конкретизировать определение культуры. Заметим, что для отечественной традиции нередко характерно предельно широкое ее понимание: «Культура — это вся сфера надприродной активности человека» (Куда ведет кризис культуры? 2011: 77). Она также описывается как «универсальный всеобщий принцип надприродной активности» (Там же).

⁴⁶ В другом месте Норт еще более явно демонстрирует свою приверженность «культурному детерминизму»: «Культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая... дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени» (Норт, 2010: 61).

Культура передается от поколения к поколению. Она «представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» (Там же: 81). В то же время Норт не согласен с концепцией известного биолога Ричарда Докинза о так называемых «мемах» — в чем-то подобных генам единицах межпоколенческой передачи культурной информации (Там же: 69)⁴⁷. Как видно из приведенного выше определения Норта, культура вбирает в себя институты, а они, как мы вскоре убедимся, рассматриваются им как порождение человеческой интенциональности. В этой связи можно заметить, что теория Докинза, возможно, была бы более совместимой с видением эволюции институтов Фридрихом Хайеком, поскольку последний исходил из стийного характера развития важнейших из них (Хайек, 2006: 484).

Норт же, признавая безусловный приоритет Хайека в обращении к роли обучения и убеждений, несовершенства познаний индивидов (Норт, 2010: 56–57, 232)⁴⁸, в то же время возражает ему, заявляя, что в отношении институтов «у нас нет иного выбора, кроме попыток социальной инженерии...» (Там же: 232). При этом известная противоречивость его позиции заключается в том, что он не является приверженцем таковой. Для него ее успех — весьма проблематичен хотя бы в силу недостаточности знаний. «Вопрос о том, в какой степени... культурное наследие “поддается” целенаправленной модификации, до сих пор остается малоизученным. Так или иначе, оно при любых условиях резко ограничивает наши возможности по осуществлению изменений» (Там же: 224).

Как взаимодействуют системы убеждений и институты? Прежде всего, Норт подчеркивает их тесную связь. Первые «включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта» (Там же: 80). В то время как «институты являются теми структурами, которые люди накладывают на этот ландшафт для получения желаемого результата» (Там же). Поэтому их он относит к внешним проявлениям этих репрезентаций. Опираясь термином «ментальные модели» (вместо «убеждения»), Дензау и Норт так писали об этих внутренних и внешних репрезентациях: «Ментальные модели являются внутренними репрезентациями, которые индивидуальные когнитивные системы создают для интерпретации внешней среды; институты — это внешние (по отношению к сознанию) механизмы, которые создают индивиды для структурирования и управления этой средой» (Denzau, North, 1994: 4). Таким образом, можно сказать, что убеждения, или ментальные модели, — это идеальные образы (замыслы) институтов, а институты — их реальное воплощение, пусть далеко не всегда проявляющееся в виде неких осязаемых вещей.

---

⁴⁷ В частности, Докинз развивает меметическую теорию религии (Докинз, 2012: 272–286).

⁴⁸ Имеется в виду книга Хайека «Ощутимый порядок» (Hayek, 1952).

Убеждения во многом определяют институты. При этом речь в таком случае идет прежде всего о таких убеждениях, которые Норт называет доминантными. «Доминантные убеждения — те, которые принадлежат способным проводить политику антрепренерам, — со временем создают институциональные структуры — как формальные, так и неформальные, — определяющие экономическое и политическое развитие» (Норт, 2010: 15). А как быть, если убеждения конфликтуют? В таком случае «институты будут отражать убеждения агента (прошлые и настоящие), который обладает полномочиями настоять на своем выборе» (Там же: 80).

Эти соображения, с нашей точки зрения, принципиально важны. Во-первых, довольно однозначно прописывается направленность вектора влияния: не от институтов — к убеждениям, а наоборот⁴⁹. Во-вторых, определенно говорится, что не всякие убеждения имеют значение для формирования институтов, но преимущественно людей, способных проводить политику. Последних, безусловно, не следует отождествлять только с властью имущими. Эта способность может принадлежать лидерам массовых общественных движений и умонастроений даже до овладения рычагами государственной власти. Примеров XX в. дает более чем достаточно. Наиболее яркие из них: Владимир Ленин — в России, Бенито Муссолини — в Италии, Адольф Гитлер — в Германии, Махатма Ганди — в Индии, аятолла Хомейни — в Иране.

При постановке проблемы об убеждениях и институтах стоит вспомнить, что, согласно Норту, «институты — это правила игры — как формальные, так и неформальные, а также характеристики их применения» (North, 2008: 22)⁵⁰. При этом «все вместе они определяют, как проходит эта игра» (Ibid.). Формальные институты, как следует из приведенного определения, — это формальные правила. Они рассматриваются как «конституционный каркас» в самом широком понимании: структура, определяющая, как должна вестись политическая и экономическая игра (Норт, 2010: 84).

---

⁴⁹ Это подтверждает, например, и такое суждение: «Сознание людей и интенциональность, которую они проявляют в усилиях по формированию более сложных, взаимозависимых культур, создали различные институциональные структуры, которые, в свою очередь, объясняют различия в продуктивности обществ» (Норт, 2010: 77). Или же, приступая к исследованию порядка и беспорядка (в соавторстве с Уильямом Саммерхиллом и Вайнгатом), Норт пишет: «Начать следует с убеждений, которые разделяют члены общества, поскольку именно эти убеждения преобразовываются в институты, которые определяют развитие» (North et al., 2000: 22).

⁵⁰ Правила игры — это всегда ограничения на поведение игроков. Поэтому у Норта присутствует и такое определение: «Институты представляют собой ограничения, накладываемые людьми на социальные отношения» (Норт, 2010: 94).

Что же касается институтов неформальных, то в связи с ними обращает на себя внимание следующее положение Норта: «Внутренняя взаимосвязь между убеждениями и институтами, проявляющаяся в формальных правилах общества, еще более явно прописана в случае неформальных институтов — норм, конвенций и кодексов поведения» (Там же: 80–81). Оно содержит две принципиально значимые вещи. Во-первых, само определение неформальных институтов как «норм, конвенций и кодексов поведения»⁵¹. Разумеется, неписаных. Во-вторых, то, что убеждения в большой мере воздействуют именно на неформальные институты⁵². Например, при рассмотрении проблем развития, это обстоятельство не позволяет решать их только за счет внедрения формальных институтов.

Нельзя пройти мимо и того факта, что способ и темп изменений этих двух типов институтов — разные. «Формальные институты могут быть изменены официальным решением, а вот то, как изменяются неформальные институты, мы все еще не вполне понимаем и, как правило, не можем манипулировать ими сознательно» (Там же: 81)⁵³. В то же время, несмотря на многие загадки неформальных институтов, утверждается, что они изменяются намного медленнее формальных правил и, кроме того, «играют ключевую роль в эволюции организации общества» (Там же: 82).

Деление институтов на формальные и неформальные с описанными выше свойствами, с нашей точки зрения, позволяет вернуться к упомянутому выше расхождению взглядов Норта и Хайека в вопросе об интенциональности и спонтанности применительно к институциональной структуре. Норт исходит из того, что «сущность понимания той роли, которую играют институты в обществе, заключается в признании того, что они воплощают в себе интенциональность нашего сознания» (Там же: 233). Однако вряд ли неформальные институты складываются как некий сознательно организованный проект. Такое представление противоречило бы их пониманию самим Нортом. Тот факт, что «действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность

---

⁵¹ Ниже Норт говорит о «личных кодексах поведения» (Норт, 2010: 82). Неформальные институты содержат не только общие для всех культур «моральные кодексы систем убеждений», но и нормы, которые очень отличаются в разных культурах (Там же: 81). Таким образом, несовместимость базовых норм обществ, или, следуя формулировке Самюэля Хантингтона, «столкновение цивилизаций» (Хантингтон, 2003), кроется в различиях неформальных институтов.

⁵² Норт, на вопрос, откуда берутся правила, неформальные нормы, прямо отвечает: «Они появляются из убеждений, разделяемых людьми» (Норт, 2010: 78).

⁵³ «Фундаментальной неизвестной является способ эволюции неформальных сдержек» (Норт, 2010: 115).

игроков» (Там же: 103), еще ничего не говорит о том, что реально существующие неформальные институты — продукты человеческих планов. «Если формальные институты поддаются целенаправленным изменениям, то неформальные институты неспособны в короткий срок измениться по чьей-либо воле» (Там же: 225).

Институты, как мы видели, вырастают из представлений, «но мы слишком мало знаем о том, как развиваются системы представлений, как они распространяются и какое влияние оказывают на итоги человеческой деятельности» (Там же: 239). На основе такого заключения можно сделать вывод о том, что никакая интенциональность действий акторов, изменяющих и создающих неформальные институты, не может иметь на выходе то, что замыслилось ими на входе. Эти институты всегда являются непредвиденными последствиями их социальной активности, и это говорит о том, что аргументация Норта против спонтанной институциональной эволюции Хайека не находит подтверждения в его же собственном учении о двойственном характере институтов.

С нортковским взглядом на институты неразрывно связана концепция адаптивной эффективности. Отвергая применение постулатов неоклассического мейнстрима к истории (экономическим изменениям), Норт должен был расстаться и с ее теорией эффективности (Парето-эффективности). Ее заменила адаптивная эффективность. «То, что я называю адаптивной эффективностью, — писал он, — представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем» (Там же: 242). Иначе говоря, это способность институтов адекватно и своевременно меняться в ответ на новые вызовы. Такое определение эффективности рассматривает ее с позиции динамики (в отличие от математического упражнения по нахождению оптимального размещения имеющихся в распоряжении ресурсов в неоклассике) и открывает путь к пониманию роли институтов в историческом процессе.

Вместе с тем эффективность институтов — это не только их динамическая или адаптивная эффективность. Это их способность снижать как производственные, так и транзакционные издержки (здесь, на наш взгляд, можно в целом, не проводя особых различий, говорить о производственной эффективности институтов). Процесс исторических изменений далеко не всегда сопровождался повышением таковой. «Транзакционные издержки нередко возрастали настолько, что полностью блокировали производство и обмен» (Норт, 1993: 78). Институты могут как снижать эти издержки, так и, напротив, повышать, причем делать последнее целенаправленно, к чьей-либо выгоде⁵⁴.

---

⁵⁴ В этой связи обращает на себя внимание очень выразительное название статьи Брюса Буэно де Месквита и Хилтона Рута «Когда плохая экономика является хоро-

Таким образом, согласно Норту, институты можно разделить не только на формальные и неформальные, но и на «хорошие» и «плохие». При этом они порождают и соответствующие стимулы. «Институциональная матрица определяет набор возможностей, будь то те, что приносят наибольшую выгоду в экономике перераспределения доходов, или те, что делают наиболее выгодной производственную деятельность» (Норт, 2010: 96). Возникающие на базе институтов организации в своей деятельности будут действовать соответствующим образом⁵⁵.

Норт четко разграничивает институты и организации: «Институты управляют игрой, организации в нее играют» (Там же: 99)⁵⁶. «Организации — это игроки. Они состоят из групп индивидов, объединенных вместе какими-то общими целями» (North, 2008: 22). Примерами экономических организаций могут служить фирмы, профсоюзы, кооперативы и т. п.; политических организаций — политические партии, legislatures, регулирующие органы; образовательных организаций — университеты, школы, центры профессиональной подготовки. Норт видит конечную цель любой организации как выживание, так как все они существуют в мире редкости и, следовательно, конкуренции (Ibid.).

Организации, как мы видели, производны от институтов. Можно сказать, что первые образуют тело последних, обеспечивающее их двигательные функции (активность) в человеческом сообществе. Примером может

шей политикой» (Mesquita de, Root, 2000: 1–16). В ней авторы пишут, что «преднамеренные неудачи политики повсеместны на протяжении истории» и причиной этого является то, что «политические лидеры хотят остаться у власти. Они готовы покупать политическую лояльность ценой любых издержек для экономики...» (Ibid.: 2).

⁵⁵ «Если наиболее высокий уровень доходности в экономике связан с пиратством, можно предположить, что организации будут инвестировать в навыки и знания, которые сделают их лучшими пиратами. Точно так же, если уровень доходности производственной деятельности высок, мы будем ожидать, что организации станут вкладывать ресурсы в инвестиции в навыки и знания, которые будут повышать уровень производительности» (Норт, 2010: 96–97).

⁵⁶ Эта позиция явно близка к тому, что писали Джеффри Бреннан и Джеймс Бьюкенен в работе «Причина правил», посвященной анализу конституционного порядка, в которой они разграничивали правила, игроков и их действия в рамках существующих правил: «Действия осуществляются в рамках правил, но сами они не являются составной частью правил. Правила устанавливают рамки для действий в игре, и в этих рамках действия могут принимать весьма разнообразный характер» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 28). «Качество игры в большей степени зависит от качества ее правил, чем от мастерства игроков» (Там же: 262). Правила в данном случае отождествляются с конституционными ограничениями как формальным институтом, а в роли игроков рассматриваются политики и их организации.

быть конституционный порядок со стороны формального института и вся совокупность государственных учреждений (со стороны организаций), его обеспечивающих.

И здесь мы вплотную подходим к такому явлению, как «эффект колеи». Норт определяет «эффект колеи» как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения...» (Норт, 2010: 39). Или как «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого» (Там же: 83). «В любой момент игроков сдерживает зависимость от пройденного пути — их выбор ограничен сочетанием представлений, институтов и артефактной структуры, унаследованной от прошлого» (Там же: 123).

Однако институты и убеждения сами по себе не являются акторами исторического процесса. В качестве способа (инструмента) их влияния выступают организации⁵⁷. И они могут быть кровно заинтересованы в консервации определенных убеждений и институтов, если их выживание неотделимо от нее. В частности, активность организаций может охранять и изжившие себя, неэффективные институты⁵⁸.

В то же время «эффект колеи» неравнозначен стагнации, упадку. Если в «колею» попадают и от поколения к поколению передаются «хорошие» (эффективные) институты, то связанные с ними организации поддерживают их существование и развитие. Это легко заметить на примере цепочки: права собственности — верховенство закона — независимое правосудие. В конечном счете от характера «эффекта колеи» зависят и долговременные результаты. Схематически последовательность влияния институтов через опосредующие звенья на эти результаты изображена на рис. 2.

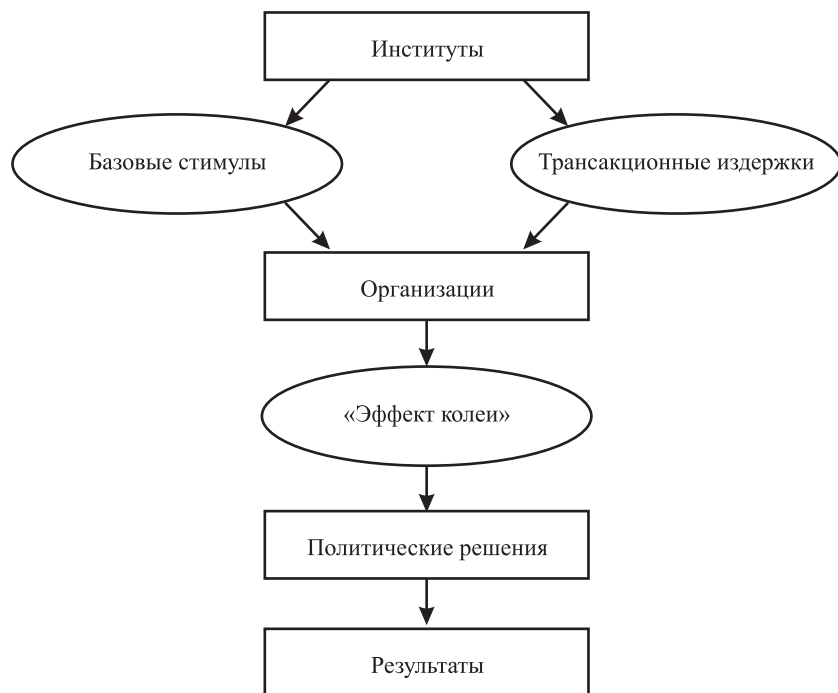
В том, что «эффект колеи» предопределяет (в конечном счете, разумеется) политические решения, неоднократно убеждались «прогрессоры» из Всемирного банка и других международных организаций, стремившиеся убедить правительства многих отсталых стран сделать «как надо». «Как надо», как правило, не получалось. Говоря словами бывшего премьера рос-

---

⁵⁷ «Способность институциональной матрицы к самоподдерживанию, создающая “эффект блокировки”, порождается зависимостью организаций от институциональных рамок, в которых они возникли, и последующим возникновением структур, сопутствующих данным организациям» (Норт, 1997: 23). «Эффект блокировки» есть лишь иной, по сравнению с «эффектом колеи», вариант перевода английского термина «path dependence».

⁵⁸ «Накопленные институты привели к созданию организаций, выживание которых зависит от сохранности этих институтов и, которые, соответственно, будут вкладывать ресурсы в то, чтобы предотвратить какие-либо изменения, угрожающие их выживанию» (Норт, 2010: 83).

сийского правительства Виктора Черномырдина, чаще получалось «как всегда»: официально принимавшие «добрые советы» правители находили возможности облекать в оболочки формальных институтов традиционные для их обществ институты, придавая им тем самым лишь иной внешний вид. И это — в лучшем случае. Бывало, что импорт институтов оборачивался полным крахом государственного порядка.

Рис. 2. Связь между институтами и результатами

Природу этого явления Норт с соавторами подробно исследовали в ряде недавних работ (*North et al.*, 2005, 2006, 2007; North, 2009: 19–28; Weingast, 2009: 29–39; 2010: 28–52; Норт и др., 2011; 2012). Для этого потребовалось создание новой парадигмы человеческой истории и отвечающего ей видения природы государства на разных исторических этапах, и в первую очередь роли так называемого естественного государства. Рассмотрение новой парадигмы, созданной Нортом, Уоллисом и Вайнгастом, и вытекающих из нее следствий — предмет особого исследования. Дело в том, что она

представляет довольно радикальные новшества и во многом меняет взгляд на государство.

К вопросу о государстве нам еще предстоит вернуться. Пока же обратим внимание на то, как Норт и его соавторы характеризуют особенность механизма обратной связи от результатов к реальности. В статье «Обучение, институты и функционирование экономики» они пишут: «Механизм обратной связи от результатов к реальности проходит через человеческое мышление; и поскольку мышление активно интерпретирует реальность, мы располагаем ограниченными знаниями о том, как результаты будут восприняты и интерпретированы агентами. Это — главная причина, по которой механистические, детерминистские модели экономических изменений не могут работать: идеи являются автономными факторами социо-экономической эволюции, и если мы хотим больше узнать о процессе, мы должны больше знать о том, как мышление конструирует реальность» (Mantzavinos et al., 2003: 44). Здесь нам еще раз напоминают, что мир — непредсказуем, и непредсказуем он именно потому, что строится на нашем его восприятии, предвидеть характер которого невозможно.

В логической цепочке исторических изменений, представленных на рис. 1, роль замыкающего звена отведена государству. Все последние новации в норттовском учении о нем не меняют того, что в идеале оно рассматривается как принудительная сила, способная «эффективно осуществлять надзор за правами собственности и обеспечивать соблюдение контрактов» (Норт, 1997: 82). Однако, как замечал Норт, «на нынешнем уровне знаний нам неизвестно, как создать такое государство» (Там же). В результате есть смысл посмотреть, как «такое государство» возникло в самом историческом процессе.

«Развитие государства от средневекового, мафиозного по своему характеру, до современного, воплощающего в себе правовые институты и инструменты, — это важнейшая часть истории свободы» (Норт, 1993: 76). В то же время, как мы увидим далее на примере исторического пути двух Америк, сравнительный институциональный анализ которого проведен Нортом с соавторами, история свободы — это лишь эпизод истории человечества, причем, если ориентироваться на фундаментальную книгу Норта, Уоллиса и Вайнгаста, то вдобавок еще и довольно скромной его части⁵⁹.

---

⁵⁹ В книге «Насилие и социальные порядки» отмечается, что лишь 25 стран и 15 % населения всего земного шара живут сегодня в обществах открытого доступа, остальные 175 стран и 85 % населения живут в естественных (то есть в той или иной мере ограничивающих свободу) государствах (Норт и др., 2011: 33). Источник этих данных авторами не раскрывается.

Истории успехов и провалов

Если следовать Норту, то исторически надо выделить две Европы (разумеется, это деление касается только Западной Европы). Один из ее полюсов составляет связка Нидерланды–Англия, можно сказать, заложившие основы современного развития. Другой — Испания. Англия экспортировала свои институты в американские колонии, и в итоге в мире возник гигант рыночной цивилизации в лице США. Испания же проделала то же в отношении Латинской Америки, которая в результате, в большей своей части, до сих пор находится в неудовлетворительной институциональной среде, не позволяющей достичь североамериканского благополучия⁶⁰.

Впрочем, историю того, что Норт называет «триумфом западного мира» (Норт, 2010: 182), он начинает со времен, далеких от Испанской и Британской империй. Признавая большую роль церкви как передатчика культурного наследия античного мира, он не останавливается на этой тривиальной точке зрения. По его мнению, важнее всего было то, что «она создавала единую систему верований» (Там же: 184). Причем «эти рамки служили основой для непрерывной эволюции представлений, от которых зависел выбор, определивший будущее европейских государств и их экономик» (Там же).

При этом само собой разумеется, что важна не только и не столько единая система верований, сколько то, что собой представляло ее идейное наполнение. Выше уже приводилось мнение Норта о благотворном в целом влиянии христианской догматики на экономический рост. При этом протестантская этика специально не выделяется им как нечто исключительное (Там же: 197).

Отдавая традиционную дань роли средневековых городов, автор связывает с их развитием и эволюцию некоторых государств, которые «постепенно переходили от вымогательства к предоставлению “защиты и правосудия” за деньги» (Там же: 191). В качестве примера фигурируют Нидерланды до проведения удушающей налоговой политики Филиппом II. Торговля, которая составляла основу их экономики, выигрывала от снятия ограничений и монопольных привилегий. Поэтому «именно в Нидерландах и Амстердаме лежат корни современного экономического роста» (Там же: 192).

Однако главным, что обеспечило успех Европы, Норт считает отсутствие политической централизации и конкуренцию государств. Дело в том, что в децентрализованной среде возможна была апробация различных вариантов: одни, как мы увидим на примере Испании, закончились провалом,

---

⁶⁰ В 1820 году ВВП всей Латинской Америки превосходил ВВП США на 12,5 %. В настоящее время, при населении в 560 млн (на 250 млн больше, чем в США), совокупный ВВП региона составляет лишь 29 % от ВВП северного соседа (Agias, 2011).

другие, как уже упомянутые Нидерланды, а потом и Англия, завершились успехом. Централизованный же политический контроль ограничивает возможности и альтернативы. В этом видятся причины неудач исламского мира и Китая. Разнообразие выбиравшихся вариантов означало «повышение (по сравнению с единообразной политикой) вероятности того, что один из них приведет к экономическому росту» (Там же: 198).

Одновременно «динамичные последствия конкуренции между фрагментированными политическими образованиями привели к возникновению особенно созидательной среды» (Там же). При оценке успехов Нидерландов и Англии следует учитывать стимулы, которые создавали страны-конкуренты, а также то, что они умело перенимали достижения конкурирующих с ними государств (банковское дело от итальянских городов-государств, новые приемы навигации от Португалии, печатный станок от германских государств).

В то же время межстрановая конкуренция вела и к постепенным институциональным изменениям. Она порой вынуждала постоянно нуждавшихся в деньгах правителей идти на уступки прав тем, кто мог эти средства предоставить. Права собственности и представительного правления становились предметами торга, успех которого, согласно Норту (Там же: 204), зависел от трех условий:

- размера ожидаемой выгоды для избирателей от гарантий прав собственности;
- наличия замены данному правителю, иначе говоря, конкурента, который при случае мог бы сместить действующего главу государства, предложив свои, более выгодные условия;
- структуры экономики, от которой зависят выгоды и издержки при различных типах налогообложения.

Продуктивная городская экономика Нидерландов, выстроенная вокруг экспортной торговли, очень нуждалась в гарантиях прав собственности и разумных налогах. Пока испанская корона это обеспечивала, подвластная ей территория считала ее владычество приемлемым. Однако повышение налогов Филиппом II превысило все разумные пределы и вызвало революцию, приведшую в конечном итоге к отделению семи северных провинций.

Норт указывает ряд причин, которые могут породить революции (Там же: 153–154). В данном случае подходит его тезис о событии, ликвидировавшем прежние механизмы, которые обеспечивали взятие на себя достоверных обязательств, но не создавшем адекватной замены (Там же: 153). В таком случае революция представляется менее рискованным мероприятием, чем сохранение статус-кво.

Другая история успеха — это, несомненно, Англия. О ней подробно рассказано Нортом и Вайнгастом (North, Weingast, 1996: 134–165) и кратко — в статье Норта (Норт, 1993: 84–86). Норт и Вайнгаст сфокусировали внимание

на политических факторах, лежащих в основе экономического роста и развития рынков, — институтах, определяющих, как управляющие обменом правила могут быть реализованы (*enforced*) и как они могут быть изменены. «Для экономического роста, — пишут они, — суверен или правительство должны не просто установить подходящий набор правил, но и создать достоверную приверженность им» (North, Weingast, 1996: 134).

Эта «достоверная приверженность» не возникает сама собой: ее обеспечивает борьба за интересы. В Англии ее утверждению предшествовало столетие гражданских войн и революций (по насыщенности социальных потрясений XVII век в Англии не уступает XX веку в России). При этом Норт и Вайнгаст отмечают, что успех Англии в деле утверждения эффективных институтов не был предопределен заранее и все могла изменить чистая случайность. Королевская власть почти выиграла войну. И если бы в Англии в ее распоряжении была «стандартная армия», то политическое и экономическое будущее страны весьма вероятно было совсем другим: потенциально более близким к Франции и Испании (Ibid.: 161).

Не вдаваясь в подробности истории Англии, выделим лишь тот факт, что Норт и Вайнгаст говорят о пяти значимых институциональных изменениях в качестве результата Славной революции. Во-первых, революция устранила архаическую фискальную систему и постоянно сопутствующий ей финансовый кризис. Во-вторых, ограничив законодательную и судебную королевскую власть, революция тем самым ограничила возможности последней изменять правила постфактум без согласия на то парламента. В-третьих, парламент окончательно утвердил свое доминирование в вопросах налогообложения, исключив право короны менять налоги в одностороннем порядке. В-четвертых, парламент гарантировал себе роль в распределении средств и мониторинге расходов. Королевская власть должна была теперь иметь дело с парламентом на равных основаниях; более того, последний имел преимущество в виде достоверной угрозы смещения с трона суверена, когда тот станет выходить слишком далеко за пределы полномочий. И наконец, в-пятых, создав баланс между парламентом и монархией (а не устранив последнюю, как это имело место после гражданской войны), Славная революция наложила ограничения и на интересы парламента — его тенденции к произвольным действиям⁶¹. В совокупности, все это увеличило предсказуемость правительственных решений (Ibid.: 162).

Англия показала и пример взаимосвязанности политических и гражданских прав с экономической свободой. Ранее, располагая правом арестовывать без предъявления обвинения или содержать длительный срок в тюрьме

---

⁶¹ Здесь невольно вспоминается Хайек с его знаменитой фразой: «Выбор таков: или свободный парламент, или свободный народ» (Хаеик, 2006: 243).

до суда, королевская власть требовала исключительно большой залог за освобождение с целью повышения издержек оппозиции. Таким образом, защита политических прав сформировалась как компонент политической защиты экономических прав (Ibid.).

Первоначально единая структура представлений и убеждений, унаследованная Западной Европой от римского христианства, в разных ее частях развивалась по-разному в зависимости от различного опыта. Например, в период с 1500 до 1628 г. («Петиции о правах») в Англии произошел настоящий прорыв в представлениях о правах. Их эволюция шла в направлении от понимания прав как статусных привилегий избранных до признания гарантированных законом универсальных прав всех англичан. В результате «положительное сочетание структуры представлений и убеждений с конкретными условиями, существовавшими в Нидерландах и Англии, вело к институциональной эволюции экономики и государства» (Норт, 2010: 209).

На основании изучения английской истории XVII в. и опыта современного третьего мира Норт и Вайнгаст делают следующее заключение.

«Необходимым условием для создания современных экономик, основанных на специализации и разделении труда (а следовательно, на обезличенном обмене), является способность обеспечивать надежность контрактов во времени и пространстве. Это влечет снижение транзакционных издержек на акт обмена. Создание обезличенных рынков капитала — есть единственное и наиболее важное свидетельство того, что данное необходимое условие было выполнено» (North, Weingast, 1996: 164).

В результате выполнения данного условия вскоре после Славной революции в экономике Англии наступил период, который был назван финансовой революцией. В 1694 году появляется Банк Англии, быстро множится число частных банков, мобилизуются частные сбережения, падают процентные ставки по кредитам. Резко возросшее финансовое могущество Англии позволило ей в XVIII в. выиграть ряд решающих войн с Францией и стать крупнейшей державой мира — Британской империей. Норт и Вайнгаст специально подчеркивают тот факт, что в XVIII в. Британия одолела Францию за счет более крепких финансов, путь к оздоровлению которых открыли институты, порожденные Славной революцией (Ibid.: 163–164). Они позволяли британскому правительству не только располагать большими и более регулярно поступающими в казну средствами, но и делать займы по более низким ставкам. Дело в том, что новые институты создали очень ценный социальный продукт — достоверность обязательств (*credible commitment*). Он до наших дней проводит черту между странами, которые им обладают, и теми, которые испытывают его дефицит.

Однако войны — в любом случае очень затратные мероприятия. И если крах французских финансов в результате Семилетней войны (1756–1763) приблизил коллапс государства вследствие Великой французской революции, то Британская империя тоже сильно пострадала: в итоге она утратила Североамериканские штаты. Впрочем, значительно раньше начался экспорт британских институтов в Северную Америку.

Британская империя была действительно либеральной империей. Вплоть до окончания Семилетней войны британские колонии в Северной Америке располагали очень значительной политической автономией и экономической свободой. «Великобритания научилась уважать местные политические свободы в обмен на признание колонистами британского контроля за империей, включая накладываемые на колонистов торговые ограничения» (Норт, 2010: 157). Впрочем, эти ограничения были очень незначительными (особенно, как мы убедимся далее, в сравнении с теми ограничениями, которые вводила Испанская империя для своих колоний). В целом же Британская империя поддерживала в Северной Америке принципы федерализма. При этом очень важно, что «британские институты создали общий рынок внутри империи, препятствуя отдельным колониям возводить торговые барьеры» (North et al., 2000: 30). Не забыта этими исследователями и роль убеждений: «Порядок основывался на системе общих убеждений, поддерживавшей имперскую федеральную структуру и ряд местных полномочий, предоставленных колониальным ассамблеям» (Ibid.: 31).

Что же пошло не так после Семилетней войны? Авторы обращают внимание на три обстоятельства (Ibid.). Во-первых, Британская империя вышла из войны с крупнейшим за всю ее прежнюю историю долгом, который британцы решили частично возложить на колонии. Во-вторых, произошло значительное расширение Британской империи и теперь ущерб от налогов ее американским колониям значил относительно меньше, чем раньше, когда эти колонии составляли основную часть имперской территории. И наконец, в-третьих, поражение Франции снизило потребность американских колоний в «британском зонтике» и, как следствие, резоны следовать в русле британской политики.

Усилившийся нажим метрополии на автономию американских колоний сделал популярными идеи радикалов-сепаратистов, к которым ранее мало кто прислушивался. Парадокс заключался в том, что идеи свободы были импортированы из Британии и поддерживались ею, превратившись примерно за сотню лет в твердые убеждения колонистов. И они же были обращены против нее, так как сепаратисты взяли на вооружение следующее утверждение: британское господство угрожает свободе. Британия не смогла противопоставить заслуживающую доверия альтернативу. Американская нация родилась на идее свободы.

«Возникновение системы разделяемых убеждений в ходе революционных дебатов помогло установлению политического порядка после поражения Британии. Важнейшие составляющие этих разделяемых убеждений включали главенствующее значение свободы, надлежащие ограничения на национальное правительство и правительства штатов, соответствующие формы конституционной защиты против тирании. В частности, сторонники революции адаптировали свои теории достоверной приверженности империи, основанной на федерализме, к новым условиям независимости» (Ibid.: 34).

Сложившаяся в США система получила название «сохраняющий рынок федерализм» (*market-preserving federalism*). В ней многое изменилось со времен их основания. Однако до сих пор, несмотря на существенные сдвиги в сторону централизации, федерализм играет заметную роль (особенно по сравнению с другими странами с формально провозглашенным федеральным устройством). «Эффект колеи» еще не исчерпал себя. Вряд ли в какой-либо еще федерации (кроме Швейцарской) вопрос о легализации наркотиков (марихуаны) может решаться на субфедеральном уровне⁶².

«Эффект колеи» (его можно назвать и британским следом) во многом определил высокую адаптивную эффективность сложившихся в США институтов⁶³. «Фундаментом для этих гибких институтов служат массовые представления, воплощенные в неформальных ограничениях, присущих данному обществу» (Норт, 2010: 120). Норт, так же как и британский экономист индийского происхождения Дипак Лал⁶⁴, весьма положительно относится к импорту британских институтов ее колониями. «Наследие британских институтов, — резюмирует Норт, — создало благоприятные условия для развития институтов обезличенного обмена, которые стали основой для длительного роста американской экономики» (Там же: 162).

Обезличенному характеру обмена Норт отводит решающую роль в деле обеспечения успешного развития⁶⁵. Однако не всем обществам он оказался

---

⁶² К настоящему времени в 18 штатах США (а также в округе Колумбия) легализовано использование марихуаны в медицинских целях. В двух же штатах (Вашингтон и Колорадо) — даже в рекреационных целях. Статистика и законодательство по вопросам легализации марихуаны в США представлены на интернет-сайте организации Drug Policy Alliance (<http://www.drugpolicy.org>).

⁶³ «Адаптивная эффективность институциональной структуры, характерная для американской экономики, стала результатом зависимости от пути развития (благодаря политическим и экономическим институтам, унаследованным от британского правления)...» (Норт, 2010: 161).

⁶⁴ О взглядах Лала см.: Заостровцев, 2012б.

⁶⁵ «Ключ к успеху состоит в создании институтов обезличенного обмена, ограничивающих действия игроков и сужающих диапазон политических решений» (Норт, 2010: 154).

доступен. Переход от персонализированного к обезличенному обмену не завершился для многих стран и поныне. Ключ к успеху для них оказался, образно говоря, за семью печатями. В Западной Европе в роли неудачника и одновременно переносчика неэффективных институтов оказалась Испания. Корни неудачи хронологически относятся ко второй половине XV в., когда происходило ее объединение. Положивший этому начало брак между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской сливал воедино две довольно разные по своему общественному устройству территории: Валенсию, Арагон и Каталонию, с одной стороны, и Кастилию — с другой. Если первые имели нечто общее с торговыми республиками (во всяком случае, кортесы имели там неформальное значение), то Кастилия была иной. «В Кастилии возникла централизованная монархия, и именно Кастилия предопределила последующую институциональную эволюцию Испании и Латинской Америки» (Норт, 1993: 87).

Всякая аналогия, конечно, неполноценна, но в чем-то роль Кастилии в Испании напоминает роль Московского царства в собирании русских земель с навязыванием собственной жесткой авторитарной модели там, где она встречала некоторые вольности (Великий Новгород). Различие же заключается в том, что экспансия Московского государства шла преимущественно в Сибирь и на Дальний Восток, а Испанской империи — в Латинскую Америку. Последняя в те времена имела существенно большее хозяйственное и геополитическое значение.

Снижение поступлений драгметаллов из Нового Света и превышение издержек контроля за колониями над доходами от них заставляли Испанию повышать внутренний налог (т. н. алькабалу). Так, в связи с войной с восставшими Нидерландами он был повышен в 8 с лишним раз — с 1,2 до 10 %, но это не уберегло испанскую корону от острых финансовых проблем. Они решались зачастую с помощью конфискации имущества и денег, что вело испанскую экономику к упадку (Там же: 87–88).

В Испании «экономические монополии и централизованный контроль шли рука об руку» (Норт, 2010: 207). Основой общественной системы Испании служил политический обмен: права и привилегии элиты поддерживались лояльностью короне. «Каждая корпоративная группа обеспечивала важные услуги короне по всей империи. В обмен корона предоставляла ряд прав и привилегий» (North et al., 2000: 41). Политический обмен прав на политическую поддержку обеспечивал короне долговременное выживание. Однако это не создавало стимулов для долговременного экономического роста. Испания очень долго (более 400 лет) не могла выпрыгнуть из этой ловушки, «погрузившись в экономическую стагнацию и политическую нестабильность» (Норт, 2010: 207). Причем окончилась она только со смертью диктатора Франко во второй половине XX в.

Неудивительно, что в Латинскую Америку Испания экспортировала «плохие» институты. «Испанское наследие, перенесенное через океан в Латинскую Америку, привело к созданию там институтов и организаций, которые не смогли обеспечить ни стабильного экономического роста, ни прочных гражданских и политических свобод» (Там же). Что же происходило в Латиноамериканских колониях Испанской империи?

Это можно выразить одним словом — жесткие ограничения. В первую очередь они ограничивали торговлю, а следовательно, экономическое развитие. Регулирование было направлено против межколониальной торговли, развития плотной сети портов и общего рынка в колониях. «Таким образом регулирование ограничивало для колонистов стимулы извлекать выгоды от специализации и экономического обмена по всей Южной Америке» (North et al., 2000: 42)⁶⁶.

Практикуемая Испанией система была приспособлена к максимальному извлечению краткосрочной ренты короной, а не к долгосрочному экономическому развитию. Система монополий была создана отчасти с этой целью. «В итоге испанский меркантилизм был создан с тем, чтобы максимизировать изъятия их нового мира за счет значительных издержек для экономического развития» (Ibid.: 43). В этой ситуации резко контрастировала с Североамериканскими британскими колониями.

После освобождения от испанского господства актуальной стала задача государственного строительства. В отличие от Северной Америки, она не могла решаться с опорой на уже существующие структуры: сверхцентрализованная власть испанской монархии рухнула, а опыт автономного правления отсутствовал. Произошла политическая дезинтеграция континента с появлением сильных лидеров отдельных государственных образований (каудильо), которые предоставляли защиту от хищнического поведения неконтролируемых вооруженных групп.

Разрыв с метрополией разрушил многие институты, которые обеспечивали достоверную приверженность правам и собственности в Испанской империи. Тем не менее многие представители элит хотели сохранить свои привилегии, права и активы, которые базировались на старом колониальном порядке. Однако эти устремления находились в противоречии с республиканскими принципами, выражавшимися в заимствованиях конституции США. Этот конфликт предполагал в итоге что-то одно: либо привилегии, либо республиканизм.

---

⁶⁶ В работе этих трех авторов приводится такой парадоксальный пример: продукты из районов реки Рио-де-ла-Плата не могли экспортироваться через естественный ближайший порт (современный Буэнос-Айрес), а должны были доставляться вокруг всего континента, за тысячи миль, в Перу (North et al., 2000: 42).

Борьба за власть в хаотических формах продолжалась до середины XIX в. Издержки ее все возрастали. «Установление порядка стало целью само по себе, широкие круги элиты поддерживали создание институтов, которые способствовали бы порядку. И это происходило за счет экономического роста и индивидуальных свобод. Возникавший порядок никак не ограничивал государство» (Ibid.: 45).

Положение осложнялось весьма неоднородным характером обществ. Существовало противоречие между креолами (испанцами, родившимися в колонии) и испанцами с полуострова (родившимися в Испании). На королевскую службу брали только последних, и они получали больше привилегий по сравнению с креолами. После революции вставал вопрос: что делать с этой группой? Оставлять им их собственность и привилегии или нет? Предоставлять ли им гражданство? Последний вопрос в ряде стран был актуален и по отношению к аборигенам, многие из которых поддерживали борьбу с испанцами.

В итоге Норт, Саммерхилл и Вайнгаст сопоставляют сложившееся положение дел в Южной Америке с разработанными ими критериями устойчивого порядка и отмечают, что он не отвечает ни одному из них (Ibid.: 47–48, 50–51). Во-первых, там, в отличие от Северной Америки, отсутствовала система разделяемых убеждений. Имели место глубокие расхождения по вопросам предоставления гражданства, роли государства и корпоративных привилегий. В результате, согласно вышеназванным авторам, нарушается первый принцип политического порядка, предполагающий наличие общих убеждений, необходимых для наложения ограничений на деятельность государства и отслеживания их соблюдения.

Во-вторых, политический порядок предполагает, что конституция ограничивает «ставки» политической власти (выгоды, которые она приносит) и противоречия. Отсутствие согласия относительно базовых элементов политической структуры и принятия политических решений вкупе с отсутствием общности убеждений предполагает отсутствие достоверных обязательств новых государств. Из этого вытекает неспособность создать подходящие политические институты, определяющие права граждан, лимитирующие выгоды от государственной власти и создающие стимулы для экономического роста. В таких условиях граждане оказываются неспособны контролировать границы политической власти. Напротив, эти условия пестуют развитие авторитарных систем. И поскольку фундаментальные вопросы не урегулированы, выгоды от захвата власти и издержки от потери ее высоки.

В-третьих, отсутствие первых двух условий политического порядка свидетельствует о том, что в игру включается поиск ренты. Отсутствие пользующихся доверием ограничений государства подразумевает наличие рационального беспокойства корпоративных групп и представляющих их

элит. Их права, привилегии и богатство, нередко составляющие большую долю производственных активов страны, оказываются ставкой в игре. Те, кто стремятся удержать то, что считают принадлежащим им по праву, готовы сражаться, чтобы защитить эти права. Те, кто располагают достаточной властью, обладают стимулами сдерживать эти группы либо по причине того, что привержены республиканским убеждениям, либо в силу того, что претендуют на те же богатства. Результатом становятся политические потрясения и отсутствие порядка. «Государство превращается в поле сражения с теми, кто полагает, что изменение правил негативно скажется на них» (Норт, 2010: 178). В крайней ситуации не исключена гражданская война.

«В истории Латинской Америки мы не наблюдаем ни экономического коллапса, ни стагнации, а лишь хроническую нестабильность, массовое измождение, политический авторитаризм, порочное распределение дохода, неэффективное обеспечение коллективных благ и замедленный экономический рост» (Там же: 164). Норт пишет о контрасте, который являют собой США и страны Латинской Америки:

«Через двести лет после получения независимости исторический контраст между Северной Америкой и Латинской Америкой по-прежнему дает яркий пример поразительных различий в экономической эффективности. В Соединенных Штатах мы видим здоровую систему с федерализмом, демократией, ограниченными полномочиями правительства и процветающими рынками. Для большей части Латинской Америки по-прежнему характерно развитие рынками, хрупкие демократические институты, сомнительные основы гражданских прав и монополизированные рынки» (Там же: 165).

Норт говорит и об общей для всех стран причине упадка. «Упадок наступает при отсутствии стимулов к участию в производственной деятельности вследствие централизованного политического контроля за экономикой и монопольных привилегий» (Там же: 193). В частности, это прямо относится и к СССР, краткому рассмотрению экономической истории которого посвящена целая глава книги «Понимание процесса экономических изменений» (Там же: 209–222). Распад СССР связывается с крайне низкой адаптивной эффективностью, так как структуры страны представляли по отношению к требованиям этой эффективности «полную противоположность» (Там же: 222).

Известно, что Норт никогда не страдал излишним оптимизмом. Для него неудачи в экономическом развитии — правило, а удача — исключение из правил. «Число неудач намного превосходит число успехов. Экономический рост был исключением, а правилом — стагнация и упадок, отражающие хроническую тенденцию к организационным провалам» (Там же: 193).

Экономическая история по Норту — это далеко не голливудский фильм с *happy end*. «Экономическая история — это грустная сказка о просчетах,

приводивших к голоду, недоеданию, поражениям в войнах, смерти, застою и упадку экономики, а в конечном счете и к исчезновению целых цивилизаций. И даже самое поверхностное изучение сегодняшних новостей показывает, что эта сказка не является достоянием прошлого» (Там же: 23).

Литература

Балацкий Е.В. (2011). Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 154–166.

Беттке П.Дж. (2009). Концепция «культура имеет значение»: содержание, основы, вопросы. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/322>

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. (2005). Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа.

Бруннер К. (1993). Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Т. 1, вып. 3. С. 51–72.

Бьюкенен Дж. (1997). Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // *Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике»*. Т. 1 / Гл. ред. кол.: Р.М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа. С. 207–444.

Бьюкенен Дж., Ванберг В. (2012). Рынок как созидательный процесс // *Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана*. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 355–380.

Бьюкенен Дж., Таллок Г. (1997). Расчет согласия // *Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике»*. Т. 1 / Гл. ред. кол.: Р.М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа. С. 31–206.

Вейзе П. (1993). Homo eonomicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Т. 1, вып. 3. С. 115–130.

Докинз Р. (2012). Бог как иллюзия. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус.

Заостровцев А.П. (2012а). Институты естественного государства в России: рост барьеров для социального порядка открытого доступа // *Теоретические и прикладные исследования экономики и экономической политики / Отв. ред А.В. Бутуханов*. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. С. 192–205.

Заостровцев А.П. (2012б). Дипак Лал: модернизация без вестернизации. Препринт М-28/12. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Исследовательский проект «Институты, Развитие и Группы интересов: применение подхода порядков ограниченного/открытого доступа к анализу истории России» (2012–2013). URL: <http://www.hse.ru/institutions/about>

Каплан Б. (2012). Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН: Мысль.

Кларк Г. (2009). Всеобщая культура прогресса. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/323/>

Ковалев А.В. (2011). Австрийская школа и институционализм: схожесть методологии // *Terra Economicus*. Т. 9, № 4. С. 77–82.

Куда ведет кризис культуры? (2011) / Под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство.

Либман А.М. (2008). Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад) // Теоретическая экономика. Труды семинара / Под ред. А. Рубинштейна. Кн. 1. М.: ИЭ РАН. С. 87–134.

Лоусон Т. (2012). Что может предложить реализм? // *Философия экономики*. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 419–446.

Майровский Ф. (2012). Физика и «маргиналистская революция» // *Terra Economicus*. Т. 10, № 1. С. 100–116.

Макгуайр М., Олсон М. (2010). Экономика деспотии и правило большинства: невидимая рука и применение силы // *Экономическая политика*. № 2. С. 114–128; № 3. С. 189–203.

Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.

Мокир Дж. (2012). Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Изд-во Института Гайдара.

Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело.

Норт Д.К. (1993). Институты и экономический рост: историческое видение // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Т. 1, вып. 2. С. 69–91.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: Доклады XIII апрельск. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Олсон М. (2010). Диктатура, демократия и развитие // *Экономическая политика*. № 1. С. 167–183.

Ореховский П.А. (2012). Роль страха в экономическом поведении в настоящее время и после полной победы демократии // *Мир России*. Т. 21, № 3. С. 65–79.

Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики.

Расков Д. (2011). Институциональные исследования как будущее социаль-

ных наук // Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 9–31.

Робинсон Дж. (2009). Дело не в культуре. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/321>

Уэрто де Сото Х. (2008). Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.

Хайек Ф. фон (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН.

Хайлбронер Р.Л. (2008). Философы от мира сего. М.: КоЛибри.

Хантингтон С. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Харрисон Л. (2009). Культура и экономическое развитие. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/324>

Хеллман Э. (2011). Загадка экономического роста. М.: Изд-во Института Гайдара.

Шастутко А.Е. (2012). Антитраст в России: быть или не быть? // Экономическая свобода и государство: друзья или враги / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский Центр». С. 156–184.

Эггертссон Т. (2001). Экономическое поведение и институты. М.: Дело.

Яковлев А.А. (2012). Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. Т. 21, № 4. С. 154–157.

Arias O. (2011). Culture Matters. Real Obstacles to Latin America Development. January-February. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67202/oscar-arias/culture-matters#>

Brennan G., Buchanan J.M. (1985). The Reason of Rules: Constitutional Political Economy. Cambridge, N.Y.

Buchanan J.M. (1975). The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press.

Buchanan J. M. and Tullock G. (1962). The Calculus of Consent, Logical Foundations of Constitutional- Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Denzau A.T., North D.C. (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. 47 (3). P. 3–31.

Drechsler W. (2004). Natural versus Social Sciences: On Understanding in Economics // *Globalization, economic development, and inequality: an alternative perspective* / T.S. Reinert (ed.). Cheltenham: Edward Elgar. P. 71–87.

Drug Policy Alliance. URL: <http://www.drugpolicy.org>

Franke S.G., Quintyn M. (2012). Institutional Transformations, Polity, and Economic Outcomes: Testing the North-Wallis-Weingast Doorsteps Framework // IMF Working Paper 12/87, March.

Greif A. (2006). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press.

Hayek F.A. (1952). *The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology*. Chicago: University of Chicago Press.

How Much Does Culture Matter? (2006). URL: <http://www.cato-unbound.org/archives/december-2006>.

In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development (2013) / D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, and B.R. Weingast (eds). Cambridge: Cambridge University Press.

Kapás J., Czeglédi P. (2012). *Political and Economic Freedom, and the Social Orders*. URL: http://www.pubchoicesoc.org/papers_2012/Kapas_Czegledi.pdf

Kishtainy N. (2011). *Social Orders and Growth Fragility*. URL: http://www2.warwick.ac.uk/study/csde/gsp/eportfolio/directory/pg/live/ecrgag/jmp_nk_2nov.pdf

Mantzavinos C., North D.C., Shariq S. (2003). *Learning, Institutions, and Economic Performance*. Preprints of the Max Planck Institute for Research on Collective Goods. Bonn. December.

McGuire M., Olson M. (1996). *The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force* // *Journal of Economic Literature*. 34 (1). P. 72–96.

Menard C., Shirley M. (2011). *The Contribution of Douglass North to New Institutional Economics*. URL: http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/62/42/97/PDF/2011-Menard_Shirley_North_and_NIE-CUP.pdf

Mesquita de B.B., Root H.L. (2000). *When Bad Economics is Good Politics* // *Governing for Prosperity* / B.B. de Mesquita, H.L. Root (eds). New Haven: Yale University Press. P. 1–16.

North D.C. (1961). *The Economic Growth of the United States 1790–1860*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc.

North D.C. (1968). *Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850* // *The Journal of Political Economy*. 76 (5). P. 953–970.

North D.C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Comp.

North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press.

North D.C. (1993a). *Autobiography*. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/north-autobio.html

North D.C. (1993b). *Noble Prize Lecture*. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/north-lecture.html

North D.C. (1994). *Economic Performance Through Time* // *American Economic Review*. 84 (3). P. 359–368.

North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.

North D.C. (2008). *Institutions and the Performance of Economies Over Time* // *Handbook of New Institutional Economics* / C. Menard, M.M. Shirley (eds). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. P. 21–30.

North D.C. (2009). *Violence and Social Orders* // *The Annual Proceedings of the*

Wealth and Well-Being of Nations, 2008–2009. Vol. 1. Social Institutions and The Rule of Law: Ideas and Influence of Douglass North / E. Chamlee-Wright (ed.). Beloit College Press. P. 19–28.

North D.C., Davis L.E. (1971). *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press.

North D.C., Thomas R.P. (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.

North D.C., Weingast B.R. (1996). *Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // Empirical Studies in Institutional Change / L.J. Alston, T. Eggertsson, D.C. North (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 134–165.

North D.C., Summerville W., Weingast B. (2000). *Order, Disorder, and Economic Change: Latin America versus North America // Governing for Prosperity / B.B. de Mesquita, H.L. Root (eds)*. New Haven: Yale University Press. P. 17–58.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2005). *The Natural State: The Political Economy of Non-Development*. March. URL: <http://www.international.ucla.edu/ems/files/PERG.North.pdf>

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2006). *A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History // NBER Working Paper. No. 12795*.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. (2007). *Limited Access Order in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development*. World Bank // Policy Research Working Paper. No. 4359.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Olson M. (1993). *Dictatorship, Democracy and Development // American Political Science Review*. 87 (3). P. 567–576.

Press-Release, 12.10.1993. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/press.html

Reinert E.S. (2004). *Introduction // Globalization, economic development, and inequality: an alternative perspective / T.S. Reinert (ed.)*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 1–20.

Reinert E.S., Daastøl A.M. (2004). *The Other Canon: The History of Renaissance Economics // Globalization, economic development, and inequality: an alternative perspective / T.S. Reinert (ed.)*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 21–70.

Weingast B.R. (2009). *The Failure to Transplant Democracy, Markets, and the Rule of Law into the Developing World // The Annual Proceedings of the Wealth and Well-Being of Nations, 2008–2009. Vol. 1. Social Institutions and The Rule of Law: Ideas and Influence of Douglass North / E. Chamlee-Wright (ed.)*. Beloit College Press. P. 29–40.

Weingast B. (2010). *Why Development Countries Prove so Resistance to the Rule of Law? // Global Perspectives on the Rule of Law / J.J. Heckman et al. (eds)*. N.Y.: Routledge. P. 28–52.

Андрей Заостровцев

Дуглас Норт: постижение истории

Препринт М-32/13

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 15.04.13
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**